

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛОМАКИНА Ольга Валентиновна

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ Л.Н.ТОЛСТОГО:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филол. наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный консультант: **Мокиенко Валерий Михайлович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Никитина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой теории и методики гуманитарного образования ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Сидоренко Константин Павлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН»

Защита состоится «23» июня 2016 г. в 16.00 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте <https://disser.spbu.ru/disser/dissertatsii-dopushchennye-k-zashchite-i-svedeniya-o-zashchite/form/12/659.html>

Автореферат разослан « » февраля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

к.ф.н., доцент С.В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено изучению фразеологической системы в языке Л.Н. Толстого.

В современной лингвистике язык понимается как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации, и функциональное описание в данных исследованиях совмещается с когнитивным подходом, осуществляется на широком социо-историко-культурном фоне. Признание текстов формой существования языка [Супрун 1974: 13] показывает смещение вектора от его теоретического описания к практической интерпретации, функционализм же «стал характерной чертой для языкознания во 2-й половине XX в.» [Александрова 2007: 11].

Идея о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7], подтверждает необходимость изучения языка того или иного писателя во всей общности созданных им текстов. Одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ фразеологической составляющей языка писателя. Существует ряд исследований, посвящённых изучению функционального потенциала фразеологии в языке таких писателей-прозаиков, как М.А. Булгаков (Н.Г. Михальчук), Б. Зайцев (М.В. Орехова), Н.С. Лесков (В.В. Леденёва, Е.И. Селиверстова), Е.И. Носов (Е.А. Федоркина), А.Н. Островский (А.Г. Ломов), В.М. Шукшин (Н.Н. Захарова, А.Д. Соловьёва и др.). Учёные выявляют особенности употребления фразеологических ресурсов языка в текстах, описывая характер трансформаций, авторские предпочтения в выборе фразеосредств.

Внимание к творческому наследию Л.Н. Толстого не ослабевает в течение полутора веков и в России, и за рубежом. Регулярно проводимые на Родине писателя в Ясной Поляне Толстовские чтения способствуют формированию научной проблематики будущих исследований. Язык писателя служит авторитетным источником для изучения русского литературного языка XIX-н. XX в., поэтому описание особенностей языка Л.Н. Толстого дополнит сведения о языке XIX-н. XX вв., позволит всецело охарактеризовать языковую личность писателя.

Интерес к народному языку сформировался у писателя к началу 1860-х годов, и до конца жизни он был собирателем народных песен, сказок, пословиц и поговорок. Л.Н. Толстой считал, что опыт народа, выраженный в различных жанрах устного народного творчества, выявляет мировоззрение русского народа в целом. Любовь к «россыпям народной мудрости», умение органично включать их в тексты как в исходном, так и в трансформированном виде отличает его язык. Писатель работал с известными и популярными сборниками пословиц, а также сам собирал эти произведения устного народного творчества, записывал их, чтобы включать в художественные, эпистолярные и мемуарные тексты. По мнению Л.Н. Толстого, «некоторые кажутся столь

незначительными, взятые отдельно, ... получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати» («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XIII; 12: 50). Л.Н. Толстой всегда стремился к достижению единства литературного языка и народной речи. Многие годы писатель внимательно наблюдал за жизнью крестьян, слушая их речь. Хотя Л.Н. Толстой хорошо знал паремиологический фонд как русского, так и иностранных языков, он не разграничивал понятие пословица и поговорка, а иногда вообще называл паремию речением, народной мудростью, изречением. Для писателя важна мысль, которую выражает паремия, прагматический смысл пословицы, ее авторитет. Активное использование фразеологии в качестве сильной позиции текста, тезаурусообразующих единиц, а также реализация потенциальных свойств фразеологизмов позволяет судить о богатстве фразеологического вокабуляра писателя и его умении им пользоваться. Поэтому постановка вопроса об описании фразеологической системы в языке писателя и выявлении роли фразеологии в тезаурусе Л.Н. Толстого кажется значимой.

Предпринимаемые с 50-х гг. прошлого века исследования, посвящённые изучению фразеологической составляющей языка Л.Н. Толстого, носили фрагментарный характер, хотя содержали важные сведения, помогающие охарактеризовать фразеологические особенности языка писателя.

Таким образом, **актуальность** настоящего диссертационного исследования определяется установкой современной фразеологии на изучение функционального потенциала фразеологии языка писателя (в данном случае – Л.Н. Толстого), выявлением тезаурусообразующих единиц его творчества, описанием фразеологических и паремиологических доминант произведений писателя, а также необходимостью разработки концепции фразеографического описания описываемого фразеологического корпуса и метаязыка словаря.

Объектом исследования является фразеологический состав языка Л.Н. Толстого.

Предмет исследования – реализация функционального, преобразовательного, прагматического потенциала фразеологии в языке Л.Н. Толстого, а также принципы лексикографического представления ФЕ.

Цель исследования заключается в выявлении функционального потенциала фразеологических единиц (далее – ФЕ), использованных в текстах Л.Н. Толстого, и выработке концепции их лексикографического описания во фразеологическом словаре писателя.

Поставленная цель обуславливает постановку следующих **задач**:

- 1) путём сплошной выборки извлечь ФЕ из «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого и, верифицировав общезыковое и индивидуально-авторское, выделить фразеологический корпус языка писателя;
- 2) определить роль контекста в дефиниции фразеологического значения, выявив типы авторской семантизации при раскрытии значения;
- 3) охарактеризовать роль фразеологических актуализаторов в смысловой репрезентации ФЕ и пословиц,
- 4) описать функциональный потенциал фразеологии в языке

Л.Н. Толстого, выявив способы экспликации коммуникативного намерения при употреблении паремиологии, наглядно доказав монофункционализм и полифункционализм ФЕ,

5) показать роль ФЕ и паремий в качестве сильной позиции текста, в т.ч. в качестве смысловых доминант,

6) выделить тезаурусообразующие ФЕ и изучить специфику их изменения в течение творческой жизни писателя,

7) определить особенности кодовых переключений при употреблении иноязычных вкраплений,

8) выделить трансформированную фразеологию, описать способы преобразований, установив специфику авторского употребления ФЕ,

9) разработать концепцию создания «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого», указав принципы отбора материала, представив структуру словарной статьи.

Материалом для научного исследования послужили тексты Л.Н. Толстого, содержащиеся в «Полном собрании сочинений» (1928-1958 гг.). В основу исследования положена авторская картотека, насчитывающая около 3000 единиц в более чем 12 000 фразеопотреблений. Верификация фразеологического корпуса проводилась по лексикографическим источникам: Бабкин А.М., Шендецов В.В. «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода»; Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка»; Даль В. «Толковый словарь живого великорусского языка»; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. «Большой словарь русских пословиц»; Николаюк Н.Г. «Библейское слово в нашей речи»; «Фразеологический словарь русского литературного языка» (сост. А.И. Федоров); «Фразеологический словарь русского языка» (сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова) и др.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды в области фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина, Б.А. Ларина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Р.Н. Попова, Л.И. Ройзензона, В.Н. Телия, Н.М. Шанского и др.), паремиологии (Т.Г. Бочинной, В.П. Жукова, Е.В. Ивановой, А. Крикманна, В. Мидера, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семененко и др.), крылатологии (Л.П. Дядечко, Е.Е. Иванова, К.П. Сидоренко, С.Г. Шулежковой и др.), лингвокультурологии (С.Г. Воркачёва, Е.И. Зиновьевой, М.Л. Ковшовой, В.А. Масловой, В.Н. Телия и др.), семантики (Г.В. Колшанского, Б.А. Ларина, А.М. Мелерович), лингвистики и стилистики текста (М.М. Бахтина, Н.С. Болотновой, И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, В.А. Лукина, Н.А. Николиной, Д.М. Поцепни, М.А. Фокиной и др.), интертекстуальности (Ю. Кристевой, Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой и др.), лингвоперсонологии (В.В. Виноградова, Т.Е. Владимировой, Ю.Н. Караулова и др.), истории русского литературного языка (Ю.А. Бельчикова, Л.М. Грановской), общей и авторской лексикографии (В.Г. Гака, В.А. Козырева, В.М. Мокиенко,

Е.И. Роголëвой, В.Д. Черняк, Л.Л. Шестаковой, Л.В. Щербы и др.), толстоведения (М.С. Альтмана, А.В. Гулина, В.А. Ковалëва, Е.А. Маймина, Л.Д. Опульской-Громовой, В.В. Основина и др.).

Методы и приёмы исследования включают описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретных речевых условиях, систематизацию и обобщение функционирующих в языке Л.Н. Толстого ФЕ; функционально-контекстологический метод – при отслеживании закономерностей отбора и использования писателем фразеологического материала русского и иностранных языков; компаративный метод – для сравнения примеров использования и выявления трансформаций ФЕ; элементы квантитативного метода – для обобщения полученных статистических результатов; приём сплошной выборки – при отборе языкового материала из «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого и лексикографических источников.

Научная новизна работы заключается в разработке научно обоснованного алгоритма лингвистического анализа ФЕ различных разрядов в творчестве Л.Н. Толстого с учетом жанрово-стилевой дифференциации его произведений; в уточнении терминологического аппарата описания ФЕ, функционирующих в произведениях писателя; в выявлении парадигмальных изменений становления отечественной фразеологии и фразеографии; в описании основных характеристик ФЕ как производных мировоззрения писателя, свойственных Л.Н. Толстому авторских приемов семантизации, трансформации и модуса использования ФЕ; в выявлении ФЕ, выполняющих роль смысловых доминант в творчестве Л.Н. Толстого; в определении лексикографических принципов представления ФЕ в зависимости от специфики свойств их разряда.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке системного описания семантики, функционирования, прагматического и когнитивного потенциала собственно фразеологизмов, крылатых единиц и паремий в творчестве Л.Н. Толстого; во введении в научный оборот терминов *социо-историко-культурный контекст*, *этнолингвомаркёры*, *оппозиции концептуальное – формальное варьирование*; в возможности использования разработанной концепции применительно к описанию языка писателей XIX в. (С.Т. Аксакова, В.М. Гаршина, И.А. Гончарова, В.Г. Короленко, Н.Г. Помяловского, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского и др.); в разработке типологии трансформаций фразеологии с учетом специфики языковой системы писателя. Всё это способствует более полному представлению о языковой личности Л.Н. Толстого и направлено на воссоздание фразеологической системы индивидуальной картины мира писателя.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что полученный материал может использоваться в вузовском преподавании: при чтении лекций учебного курса «Современный русский язык (Лексикология. Фразеология. Лексикография)» и на практических занятиях по лингвистическому анализу текста. Результаты исследования могут быть использованы лексикографами,

занимающимися составлением словаря языка XIX в., словаря языка Л.Н. Толстого, фразеологических словарей, а также при создании комментариев к художественным произведениям Л.Н. Толстого.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отбор фразеологизмов и паремий Л.Н. Толстым позволяет выявить идеологические доминанты его произведений и тем самым глубже проникнуть в его философскую и мировоззренческую систему, а также детализированнее представить языковую сущность реалистического метода художественного творчества писателя. Фразеология играет важную роль в реализации авторских интенций Л.Н. Толстого.

2. Широкий репертуар используемых пословиц как русского, так и иностранных языков демонстрирует глубокое знание писателем паремиологического фонда и творческое его использование, что позволило говорить о формальном, оценочном и концептуальном способах экспликации коммуникативного намерения.

3. Мировоззрение писателя объясняет характер трансформаций фразеологии: наряду с индивидуально-авторскими преобразованиями общеязыковых ФЕ, Л.Н. Толстой, показывая владение языковым материалом и актуализируя внутреннюю форму ФЕ, создаёт окказиональные варианты, уточняет узуальное значение ФЕ.

4. Фразеология является средством выражения авторской позиции в текстах различных жанров и стилей, индикатором изменения нравственных ценностей, значимой составляющей тезауруса Л.Н. Толстого. Характер изменения тезаурусообразующих ФЕ в течение творческой жизни позволяет судить о смене ценностных ориентиров писателя.

5. Фразеоварьирование в языке Л.Н. Толстого носит концептуальный характер, отражает авторские интенции и мотивировано контекстуальным окружением. Трансформации ФЕ и паремий во многом являются языковой «провокацией» означенных единиц, реализацией их трансформационного потенциала.

6. «Фразеологический словарь языка Л.Н. Толстого» как авторский словарь дифференциального типа поможет раскрытию индивидуальной картины мира (ИКМ) писателя, состав представленных единиц доказывает значимость фразеологии в структуре языковой личности (ЯЛ) Л.Н. Толстого, выполняет справочную функцию при описании языка других писателей длительного временного отрезка (начало 50-х гг. XIX-1910 г., т.е. в течение шести десятилетий). Метаязык словарной статьи обусловлен спецификой определяемой единицы.

Гипотеза исследования. Состав тезаурусообразующих ФЕ в языке Л.Н. Толстого меняется в течение творческой жизни, что отражает мировоззрение писателя и обусловлено его философией. Смысловые доминанты, репрезентируемые фразеосредствами, в языке Л.Н. Толстого определяются как художественной задачей и философской идеей его произведения, так и его творческой и языковой индивидуальностью. Системное

многоаспектное исследование фразеологических единиц разных разрядов в связи с жанрово-стилистической дифференциацией текстов, в которых они используются, а также с учетом смысловых доминант, определения тезурусообразующих единиц позволяет разработать макроструктуру словаря и определить принципы организации словарной статьи для каждого разряда единиц.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры современного русского языка СПбГУ (2012-2015 гг.), на конференциях и семинарах различного уровня, среди которых XI, XII, XIII Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (София, 2007 г.; Шанхай, 2011 г.; Гранада, 2015); XXIII, XXIV, XXIX, XXXIII Международные Толстовские чтения (Тула, 1997 г., 1998 г., 2003 г., 2012 г.); международные научные конференции «Slowo. Tekst. Czas.» (Щецин, Польша, X – 2010 г., XI – 2012 г.); XXXIX-XLIII Международная филологическая конференция (СПбГУ, 2010-2014 гг.), «Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте» (II – 2010 г., III – 2011 г.); международные научные симпозиумы по лексикографии (Магнитогорск, 2009, 2011, 2014), Четвёртые, Шестые Жуковские чтения (Великий Новгород, 2009 г., 2014 г.) и других, что нашло отражение в 119 научных публикациях, в том числе 20 статьях и 4 сообщениях в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, разделах в 5 коллективных монографиях.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, четырёх глав, выводов по главам, Заключения, списка литературы, включающего около 500 наименований, включая лексикографические источники, и приложений, что определено поставленной целью и обозначенными задачами исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность исследования, обозначается цель исследования, называются задачи, методы исследования, указывается материал, определяется научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы.

Первая глава «ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ» носит теоретический характер.

Труды акад. В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, созданные в 40-60-е гг. XX в., составляют теоретическую основу современной фразеологии. Во 2-й пол. XX в. происходит выделение фразеологического значения в семасиологическую категорию [Алефиренко, Золотых 2004: 4], что важно для получения фразеологией статуса отдельного от лексикологии раздела лингвистики.

Классификация, основанная на определении природы ФЕ, является к настоящему времени одной из наиболее разработанных. Генетическая классификация предполагает рассмотрение природы фразеологического знака. Детальное изучение различных фольклорных произведений малых жанров с

лингвистических позиций даёт возможность говорить о паремиологии как разделе фразеологии. Изучение крылатых единиц, имеющих «печать авторства» (С.Г. Шулежкова), т.е. источник которых определён, позволяет выделить такой раздел, как *крылатика* (В.М. Мокиенко) / *крылатология* (С.Г. Шулежкова) / *эптология* (Л.П. Дядечко).

В к. 80-х гг. отечественные учёные, развивая идеи антропоцентризма, продолжили вслед за В.В. Виноградовым исследование языковой личности (ЯЛ) в рамках лингвистической персонологии (термин В.П. Нерознака). Одним из тезисов антропоцентрического направления лексикографии является высказанная Ю.Н. Карауловым мысль о необходимости соединения «словаря в личности и личности в словаре» [Караулов 2010: 27]. Всестороннее изучение языковой личности писателя становится возможным благодаря созданию как одноаспектных, так и разноаспектных словарей языка писателя.

На протяжении нескольких веков текст был объектом как литературоведческого, так и лингвистического анализа. Достижения современной филологии и её междисциплинарный характер определяют выбор исследователя: наиболее полным является комплексный анализ текста, учитывающий место данного текста в творчестве автора, стилистическую и жанровую отнесённость текста, включающий определение способов выражения авторской позиции, выделение смысловых доминант, выявление текстообразующих единиц, а также наблюдение, как слово-понятие становится словом-образом при помощи языкового инструментария родного и иностранных языков.

Во 2-й главе «ФРАЗЕОЛОГИЯ ЯЗЫКА Л.Н. ТОЛСТОГО: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ» рассматривается прагматический потенциал фразеосредств, используемых писателем.

Контекст изучается в русле различных гуманитарных наук. Наиболее распространённым является анализ контекста с позиций функциональной и коммуникативной лингвистики. В настоящее время текст рассматривается в двух плоскостях: 1) анализ вертикального контекста; 2) анализ горизонтального контекста, включающий описание особенностей функционирования языковых единиц различных уровней. Смысловые реализации значения как ФЕ, так и паремии осуществляются в составе микро- или макроконтраста. В этой связи следует продолжить изучение влияния фразеологического и пословичного знака на выбор жанра художественного произведения, выявлять роль фразеоресурсов языка в текстообразовании и сюжетообразовании художественных произведений и публицистических текстов.

Несмотря на кажущуюся разработанность проблемы фразеоконтраста во 2-й половине XX в., учёные продолжают исследовать фразеоконтраст и отвечать на спорные вопросы, возникающие при описании ФЕ в связи с их контекстуальным употреблением. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко дополнили разработанную А.В. Куниным теорию фразеологического контекста, указав на необходимость рассмотрения терминологической триады *фразеологическая конфигурация* = фразеологический контекст + ФЕ +

фразеологический актуализатор, в которой под фразеологической конфигурацией учёные понимают «структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое ФЕ и фразеологическим контекстом» [Мелерович, Мокиенко 2008: 346]. В своём исследовании под *фразеологическим актуализатором* мы понимаем набор лексико-фразеологических средств, помогающих говорящему / пишущему представить фразеологическое значение или его смысловые нюансы. Реализация значений происходит в рамках *фразеоконтекста* – отрезка текста, необходимого для смысловой реализации фразеосредств.

Л.Н. Толстой в произведениях разных стилей и жанров сочетает различные устойчивые единицы, создавая фразеологически насыщенный контекст – фразеологическую конфигурацию. При изучении языка писателя особый интерес вызывают различные индивидуально-авторские приёмы использования фразеологических ресурсов языка. Одним из способов экспликации коммуникативного намерения писателя является авторская «самодефиниция» (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), т.е. толкование единиц с целью уточнения, конкретизации общеизвестного, узуального значения: *Да, праздность – мать всех пороков, в особенности умственных: ложных рассуждений: политика, наука, богословие* (Дневники, 22 ноября 1907 г.; 56: 79). Пословица *Праздность – мать пороков* подвергается экспликации за счет определительного местоимения *всех*, выступающего в качестве обобщающего понятия. Семантизация представлена посредством присоединительной конструкции, включающей обобщающее слово и ряд однородных определений. Так писатель выражает своё отношение к изображаемому и наполняет его индивидуально-авторским смыслом: существительные *политика, наука, богословие* выступают как контекстные синонимы, а атрибутивное словосочетание *ложные рассуждения* – в роли обобщающего слова.

В контекстуальном употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства. Преобладают случаи, когда семантизация производится при помощи синонимов, в роли которых могут выступать разного рода устойчивые единицы. Для семантизации одной паремии писатель приводит другую поговорку, выступающую в качестве контекстуального синонима: *Матрёна. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатъич. Тожже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...* («Власть тьмы», д. 2, явл. XII; 26: 161).

Писатель использует и обратный приём, употребляя ФЕ в качестве актуализатора лексического значения слова. В следующем предложении ФЕ *море по колено* (Ср.: *Пьяному море по колено, а лужа по уши*) и *трын-трава* выступают в качестве контекстуальных синонимов и служат в романе «Война и мир» для уточнения значения лексемы *размашистость*: *Губернская жизнь в 1812 году была точно такая же, как и всегда, только с тою разницею, что в*

городе было оживлённее по случаю прибытия многих богатых семей из Москвы и что, как и во всём, что происходило в то время в России, была заметна какая-то особенная размашистость – **море по колено, трын-трава** в жизни, да ещё в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде вёлся о погоде и об общих знакомых, теперь вёлся о Москве, о войске и Наполеоне («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. IV; 12: 16-17).

Семантизация может происходить за счёт контекстуальных синонимов. В повести «Крейцера соната» писатель использует амплификацию, где в качестве контекстуальных синонимов выступают глагольные лексемы *победить*, *смять*, *перекрутить* и ФЕ *свить верёвку*, употребляемые в функции однородных членов, обобщающим словом при которых выступает предложение *всё, что захочет*, благодаря этому ФЕ получает окказиональное значение: *Мучался я особенно тем, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить её, свить из нее верёвку, сделать из нее всё, что захочет* («Крейцера соната», гл. XXI; 27: 55).

Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций, «определяющих, конкретизирующих, развивающих» значение ФЕ или пословицы [Мелерович, Мокиенко 2008: 352]: *Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, – и хорошо живущих, и бедствующих, – с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости.* («Так что же нам делать?»), XIII; 25: 228). В примере, представляющем собой сложное предложение, паремия *Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт* употребляется наряду с другими однородными придаточными предложениями (*в Москве всего много, только в Москве можно добыть... деньги*), которые служат отражению писательского видения. Кроме того, Толстой частично дополняет значение паремии, напоминая, что в деревне источник всяческого богатства.

Другой вид фразеологических конфигураций приводит к изменению семантико-стилистической тональности единиц. Контекст обуславливает изменение коннотации ФЕ и объясняет замену компонента ФЕ *обетованная земля*, позволяя не только уточнить значение единицы, но и объяснить писательский замысел: *Здесь много тех самых людей, которых я видел у входа в Ляпинский дом, но эти люди разбросаны здесь между рабочим народом. Да и*

кроме того, тех я видел в самое их несчастное время, когда проедено и пропито все, и они, холодные, голодные, гоняемые из трактиров, **ждут, как манны небесной**, впуска в бесплатный ночлежный дом и оттуда в **обетованный острог** для отправления на место жительства; здесь же я видел этих среди большинства рабочих и в то время, когда этим или другим средством приобретены 3 или 5 копеек на ночлег и иногда рубли для пищи и питья («Так что же нам делать?», VI; 25: 203).

Определение границ контекста для толкования как фразеологического значения в целом, так и семантических оттенков – одна из проблем, стоящих перед исследователем и лексикографом.

Смысловая реализация значения фразеологических ресурсов языка происходит в процессе речевого общения. Так как ФЕ, паремии, крылатые выражения (КВ) имеют не только общие (устойчивость, воспроизводимость и под.), но и присущие лишь им характерологические черты, то перечень функций будет отличаться, однако коммуникативный и познавательный потенциал раскрывают все единицы фразеологического фонда языка.

Анализ употребления паремиологических ресурсов языка позволил выделить *формальные, оценочные, концептуальные* способы выражения коммуникативного намерения говорящего.

К формальным способам экспликации коммуникативного намерения писателя можно отнести следующие: 1) графическую маркированность (заключение в кавычки), 2) определение природы высказывания (пословица, поговорка, народная мудрость и т.п.), что показывает желание говорящего сослаться на уже имеющееся мнение, заключённое в пословице: *Ваша новая потеря больно поразила меня. Вот именно «кого бог любит, того и испытывает», т.е. что по силам людей посылаются им испытания* (Письмо В.А. Молочникову 7 июля 1908 г.; 78: 161). Единичны примеры, в которых писатель соотносит пословицы с другим прецедентным текстом. Паремия находится в препозиции и выступает своего рода тезисом высказывания. Так образуется фразеологическая конфигурация, где актуализатором выступает прецедентное высказывание, которое лишь доказывают авторитет паремии: *Пословица говорит: сухая рука прижимиста, потная рука таровата. Так и в «Учении 12 апостолов» сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей* («Путь жизни», IX, Тунеядство, VI: 17; 45: 146).

Промежуточное положение между формальными и концептуальными способами занимают оценочные способы, реализуемые в контекстах, где говорящий характеризует пословицы по шкале хорошо – плохо. Чаще Л.Н. Толстой соглашается с пословицей, а одобрительное отношение высказывает при помощи различных языковых средств, чаще – определений: *Поверьте, что хотя я только один раз видел вас, я знаю про вас столько хорошего, что это чувство совершенно взаимно! Но старому лгать, что богатому красть. Я очень люблю эту пословицу, она так ясно выражает часто испытываемое мною в старости чувство* (Письмо Н.Н. Неплюеву 10 декабря 1893 г.; 66: 446). В редких случаях Л.Н. Толстой не соглашается с

народной мудростью, но своё мнение аргументирует: *Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, ещё хуже* (Письмо А.А. Толстой 27 ноября 1865 г.; 61: 121).

К концептуальному способу экспликации коммуникативного намерения мы относим те случаи использования пословиц, которые служат раскрытию не только авторского замысла, но и концептуальных, ценностных принципов писателя в пределах контекста. *«Как она молилась! – вспомнил он. – Видно было, что вся душа её была в молитве. Да, это та молитва, которая сдвигает горы, и я уверен, что молитва её будет исполнена. Отчего я не молюсь о том, что мне нужно? – вспомнил он. <...>– Да, молитва сдвинет гору, но надо верить и не так молиться, как мы детьми молились с Наташей о том, чтобы снег сделался сахаром, и выбегали на двор пробовать, делается ли из снега сахар. Нет, но я не о пустяках молюсь теперь»*, – сказал он, ставя в угол трубку и, сложив руки, становясь перед образом («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. VII; 12: 28). Как видно из примера, Л.Н. Толстой включает в контекст романа «Война и мир» пословицу *Молитва, которая сдвигает горы / Молитва сдвинет гору*, вариант пословицы *Вера и гору с места сдвинет* (Михельсон т. 1: 173), для раскрытия образа княжны Марьи. Данный отрывок относится к внутренней речи Николая Ростова, который, борясь со своими внутренними чувствами, сомневаясь в том, кого любит, с восторгом вспоминает встречу с княжной в церкви (*«Но нынешняя встреча с княжной засела ему глубже в сердце...»*). Позже он возвращается к этому эпизоду и будто любит княжну Марью, воздающей молитву. Употребляемая паремия помогает более полно раскрыть характер княжны Марьи, показать ее духовные качества, религиозность, жертвенность, способность любить бескорыстно и всепрощающе. Не случайно и употребление в качестве актуализаторов однокоренных слов *молитва* (2), *молиться* (3). Для духовной эволюции Николая этот эпизод тоже является поворотным: самоотверженность и самоотречение княжны во время молитвы являет собой пример настоящей веры в Бога. Соотнося своё поведение с поведением княжны Болконской, он осознает ничтожность прежних желаний. Николаю не хватает душевной открытости, глубокой веры, именно поэтому он вспоминает детство (*«как мы детьми молились»*) – самый чистый и искренний период в жизни человека. Анализ контекста помогает объяснить выбор писателя паремии *Молитва, двигает горы*: действительно, молитва направляет усомнившегося героя, помогает выбрать правильный путь.

Примером реализации кумулятивной функции паремий в языке Л.Н. Толстого является использование пословиц с компонентами-этнолингвомаркёрами – такими компонентами паремий (ФЕ, КВ), которые отражают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака [Ломакина 2010]. Паремии, отражая черты национального характера, будучи ретрансляторами культурной традиции в

языке и обладая кумулятивной функцией, несут культурологическую информацию, являясь своего рода микротекстом для читателя. Несмотря на широкую репрезентацию ФЕ и пословиц с этнолингвомаркёрами в русском языке, в текстах Л.Н. Толстого их употребление единично, в некоторых случаях наряду с кумулятивной функцией, априори присущей этим пословицам, они выполняют в контексте дополнительные функции. Однако анализ фразеологического состава, использованного писателем, невозможен без лингвокультурологического комментария, который является частью словарной статьи авторского словаря.

Реализация функционального потенциала фразеологии наиболее явно проявляется в контексте. Ряд функций присущ фразеологическому составу в целом; другие же приобретаются в процессе употребления, т.е. в определённой речевой ситуации, или продиктованы жанром, к которому относится текст, поэтому вполне закономерно, что в лингвистике они получили название речевых [Гвоздарев 1989: 14]. И ФЕ, и КВ наделены номинативной функцией как константной, однако в тексте может быть представлен не только монофункциональный, но и полифункциональный потенциал фразеологии.

При изучении языка писателя и его лексикографической обработке исследователи неоднократно ставили вопрос о текстовых (смысловых) доминантах – рекуррентных, тезаурусообразующих (Ю.Н. Караулов) языковых единицах, составляющих авторскую картину мира и образующих авторский дискурс. Анализ роли фразеологических средств в построении текста позволяет говорить о текстообразующих функциях. Текстообразующим потенциалом могут обладать не только единицы фразеологического уровня, но и другие языковые единицы, однако для нас научный интерес представляет функциональный потенциал фразеологии. Использование данного термина при описании языка Л.Н. Толстого, на наш взгляд, более корректно и точно, поскольку мы анализируем тексты разных стилей и жанров, в которых используются фразеологические богатства различных языков с разной целью. В том случае, если фразеология становится организующим элементом текста или его отдельной части, можно говорить о текстообразующей функции, если эти элементы выходят за пределы данного текста и помогают охарактеризовать авторское / писательское мировидение, являясь дискурсивными единицами, то можно говорить о тезаурусообразующей функции фразеологии.

Лексико-фразеологическая система текста позволяет реконструировать индивидуальную картину мира писателя и понять характер авторских интенций. Истолкование авторского замысла неразрывно связано с выявлением авторской позиции. Активное использование фразеологического фонда языка как средства выражения авторской позиции характерно для творчества как отечественных, так и зарубежных писателей. Приведём лишь несколько примеров использования паремий: эпиграф к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (*Береги честь смолоду*), к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (*Неча на зеркало пенять, коли рожа крива*), названия пьес А.Н. Островского («Свои люди – сочтемся», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется»,

«Старый друг лучше новых двух», «Правда хорошо, а счастье лучше»), название рассказа А.П. Чехова «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», названия народных рассказов Л.Н. Толстого и др. Одна и та же пословица и её вариант стали названием произведений не только русской, но и зарубежной литературы – романа немецкого Ф. Шпильгагена «In Reih und Glied» (1866), романа русского писателя-народника Г.А. Мачтета «И один в поле не воин» (1886), украинского писателя Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин» (1956). Известны случаи, когда библеизмы, благодаря художественным произведениям, становились КВ, частично или полностью утратив связь с библейским текстом: *власть тьмы* – «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, *волки и овцы* – «Волки и овцы» А.Н. Островского и др. Так, БФЕ *власть тьмы*, восходящая к Новому Завету, обретает устойчивость, получает обобщенное значение благодаря одноименной пьесе, употребляется, когда говорят «О засилье невежества, отсталости, мракобесия; о власти реакции» (БСКСВРЯ 1: 179). Иногда КВ переживают «второе рождение», попадая в пространство другого текста («Кавказский пленник» А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого», «После бала» Л.Н. Толстого и Рэя Брэдбери и под.). В качестве сильной позиции текста – в функции заглавия, эпиграфа могут употребляться БФЕ. Например, БФЕ *служить Богу и мамоне* находит отражение в заглавии статьи Л.Н. Толстого антиалкогольного характера «Богу или мамоне» (1896), а БФЕ *единое на потребу* становится названием одноименной статьи (1905). В качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстой использовал библейское выражение *Мне отмщение и аз воздам*.

Наряду с использованием фразеологии как средства выражения авторской позиции, следует остановиться на описании различных способов введения ФЕ, КВ или паремии в ткань текста художественного произведения. В связи с этим необходимо рассмотреть три типа контекстов: 1) представляющие собой авторское повествование; 2) содержащие разные формы речи персонажей; 3) совмещающие два плана – авторский и персонажа (т.н. несобственно-прямая речь) [Николина 2003: 93].

Фразеология помогает показать быт народа, представить внешние и внутренние качества человека, охарактеризовать его физическое и духовное состояние, оценить определённые ситуации, события и факты, обобщить сказанное, продемонстрировать авторскую позицию, создать пространственно-временное поле текста, становится средством индивидуализации, авторитетным началом, а иногда выступает в качестве опорных, текстообразующих единиц.

Л.Н. Толстой использует паремии в качестве заглавий произведений или отдельных частей произведения. Приведём такие названия произведений: «Вражье лепко, а божье крепко», «Упустишь огонь – не потушишь», «Где любовь, там и Бог», «Охота пуще неволи», «Бог правду видит, да не скоро скажет». Кроме того, XVI глава повести «Отрочество» Л.Н. Толстого называется «Перемелется, мука будет», драма «Власть тьмы» имела дополнительное пословичное название «Коготок увяз, всей птичке пропасть», роман-эпопея «Война и мир» первоначально назывался «Всё хорошо, что

хорошо кончается», а незаконченный рассказ «Идиллия» – «Не играй с огнём – обожжёшься». Заголовки трёх народных рассказов («Вражье лепко, а божье крепко», «Упустишь огонь – не потушишь», «Где любовь, там и Бог») представляют собой паремии. В 80-е гг. XIX в. писатель был одержим идеей создать «ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы» [Толстой 1936: 302]. Язык народных рассказов отличает близость к народной речи: употребление пословиц и поговорок, фольклоризмов, простота синтаксических конструкций. «Простота и ясность народных рассказов Толстого знаменовали собой не снижение, не примитив, а восхождение толстовского слова» [Маймин 1984: 145]. Выбор паремий в качестве названий может быть объяснён и адресацией произведений, это рассказы для народа и для детей. Поэтому Толстой употребляет языковые средства, понятные адресанту высказывания. Л.Д. Опульская (1997) с этим соглашается лишь отчасти, считая, что в содержании и стиле народных рассказов переплетаются традиции древней учительской литературы и устного народного творчества, чем можно объяснить использование писателем пословиц с дидактической целью, поскольку они имеют «в своём значении идею всеобщности, иллюкутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения)» [Селиверстова 2009: 30].

Другим способом выражения авторской позиции является употребление ключевых слов, в качестве которых могут выступать и повторяющиеся сверхсловные единицы (словосочетание, предложение, сверхфразовое единство, а также фразеологизмы, паремии), которые становятся содержательными доминантами текста, и представляют собой своего рода метатекст. В связи с этим не совсем корректным представляется употребление термина ключевое слово, предпочтительнее, на наш взгляд, использование термина *смысловая доминанта текста*.

Представим примеры употребления фразеологических средств как смысловых доминант текста в языке Л.Н. Толстого.

В XIX главе (ч. 2, т. IV) романа-эпопеи «Война и мир» БФЕ *земля обетованная* выполняет текстообразующую функцию в пределах главы: *Нужно представление об обетованной земле для того, чтобы иметь силы двигаться. <...> Обетованная земля при наступлении французов была Москва, при отступлении была родина* («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XIX). *Они, и те, которые знали, и те, которые не знали, одинаково обманывая себя, как к обетованной земле, стремились к Смоленску.* («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XIX; 12: 115-116). Военная ситуация кардинально меняется: Наполеон ушел из Москвы. По мере отступления французской армии происходит ее разложение: резко уменьшился количественный состав войск, нет провианта, теперь мнимой (а в результате – гибельной) целью становится Смоленск. БФЕ *обетованная земля* употребляется в значении «Место, куда кто-либо страстно мечтает и стремится попасть; предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п.». Повторение одной и той же единицы усиливает экспрессию. Писатель последующими словами конкретизирует значение, вследствие чего образуется контраст *Москва – родина*.

Наряду со смысловыми доминантами конкретных текстов, следует обратиться к выделению смысловых доминант всего творчества писателя или отдельного периода – тезаурусообразующих. Анализ языкового материала позволил отнести к тезаурусообразующим единицам языка Л.Н. Толстого следующие: *comme il faut*, *Дамоклов меч*, *Поднявший меч от меча погибнет*, *перековать мечи на орала*, *Fais ce que dois, advienne que pourra* (фр.), *Dans le doute abstiens toi* (фр.), *непротивление злу <насилием>*, *Царство Божие*, *арзамасский / московский ужас*, *арзамасская тоска*, *арзамасская / московская ночь*.

В языке Л.Н. Толстого ФЕ-галлицизм *comme il faut* является одной из тезаурусообразующих единиц, частотность – 39 употреблений в художественных текстах: в рассказе «Разжалованный (Из кавказских воспоминаний)» (1856) – 1, в повестях «Отрочество» (1854) – 2, «Юность» (1857) – 27, «Исповедь» (1882) – 1, «Смерть Ивана Ильича» (1886) – 1, в романах «Война и мир» (1867–1869) – 2, «Анна Каренина» (1878) – 2, «Воскресение» (1899) – 3. Таково название одной из глав в повести «Юность», где эта ФЕ повторяется 20 раз. Кроме того, писатель использует транслитерированный вариант ФЕ – агглютинацию: *comme il faut* → *комильфотный* → *комильфотность*. По сравнению с текстами художественной литературы употребление данного галлицизма единично в дневниках, письмах, автобиографическом произведении «Исповедь». Если в первой половине жизни *comme il faut* – идеал, то после духовного перелома, когда изменилась система ценностей и ушли в прошлое юношеские идеалы, Толстой противопоставляет себя *comme il faut*'ным людям, нередко осуждая их. Здесь следует обратиться к мемуарному наследию Л.Н. Толстого, поскольку характеристика тезаурусообразующих единиц должна проводиться в текстах разных стилей и жанров. Изменения сознания писателя находят отражение в его индивидуальной картине мира, в текстах. ФЕ *comme il faut* и его производные не только реализуют свои значения, но и получают новые семантические оттенки, графическое изображение. Частность употребления этих единиц дает основания говорить об их тезаурусообразующей функции в языке Л.Н. Толстого и о функционировании в качестве смысловой доминанты.

Изучение текста Библии повлекло изменение философии Л.Н. Толстого. Идея поиска царства Божьего и обоснование *непротивления злу насилием* повлияло на выбор фразеоресурсов языка и появлению новых тезаурусообразующих единиц.

Трактат «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893) является своего рода итогом и средоточием религиозно-философских, социально-политических идей, высказанных писателем ранее в публицистических работах, где изложено отношение писателя к общечеловеческим ценностям, дано представление о мире и месте человека в этом мире. Цель писателя – показать, насколько безграничны возможности человека на пути к духовному идеалу. Не случайно употребление БФЕ, включающих компонент *меч: Поднявший / Взывший меч от*

*меча погибнет (4), перековать мечи на орала (3), Дамоклов меч (1). В этом трактате Толстой обосновал свои идеи: выделив в качестве духовного начала, идеала Нагорную проповедь, писатель обращается к завету Христа о непротавлении злу, что находится в русле православного вероучения: *Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилия, говорят они, а посредством непротавления злу, посредством кротости, смирения и миролюбия, – только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире* («Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 3).*

Благодаря распространению толстовских идей и созданному трактату «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» в язык вошли и были актуализированы КВ *Царство Божие <внутри нас>, непротавление злу <насилом, злом>*, которые тоже являются тезаурусообразующими единицами.

Объяснима частотность употребления КВ *непротавление злу насилем* и его вариантов в следующих произведениях: «В чём моя вера?» (32), «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (74), «Закон насилия и закон любви» (11), где изложены основные положения толстовства – философско-религиозного учения, исповедующего принцип непротавления злу насилем. В других произведениях, письмах, дневниках того же времени использование единично. Несомненно, процесс фразеологизации resp. крылатизации (термин С.Г. Шулежковой) этого КВ сложился не только благодаря собственно авторскому использованию, но и употреблению современниками Толстого, что доказывают примеры из НКРЯ. Определение значения новой, некоторое время опциональной для языка ФЕ опирается на авторское толкование в контексте.

КВ *Царство Божие внутри нас <вас>* относится к толстовским: по сокращённому названию одноимённого трактата, название которого восходит к библейскому тексту. В статье «К рабочему народу» Л.Н. Толстой приводит важную для его мировоззрения цитату: ***Ищите царства божия и правды его, и всё остальное приложится вам. Это основной закон жизни человеческой. Живите дурно, противно воле Бога, и никакие ваши усилия не доставят вам того благосостояния, которого вы ищете. Живите хорошо, нравственно хорошо, согласно с волею Бога и не делая никаких усилий для достижения этого благосостояния, и оно само собою установится между вами и таким способом, о котором вы никогда и не думали*** («К рабочему народу, XV; 35: 148).

Текстообразующая и тезаурусообразующая фразеология является сквозной (доминантной) для отрывка, конкретного произведения или всего языка, выделение таких единиц доказывает мысль В.В. Виноградова о синтезе «форм словесного выражения и плана содержания», который в своих суждениях опирается на точку зрения Л.В. Щербы о том, что цель анализа (толкования – термин Л.В. Щербы) произведения художественной литературы

– показать языковые средства, выражающие его идею и эмоциональное содержание [Виноградов 1959: 86].

В произведении художественной литературы происходит «столкновение» двух языковых личностей, двух картин мира, индивидуальной картины мира писателя и «картины мира художественного произведения», поэтому выбор тех или иных языковых средств характеризует языковую личность писателя и помогает в характеристике героя. При характеристике авторской речи в прозаических произведениях необходимо отличать речь автора и рассказчика (т.н. перепорученная речь), между которыми сложно провести чёткую грань. Примером перепорученной речи является описание совета в Филях с позиций деревенского ребёнка в романе «Война и мир». Авторское же повествование отличается оценкой и модальностью.

Несобственно-прямая речь занимает промежуточное положение между речью автора и персонажа: излагается информация о герое, однако это происходит в присутствии автора. Благодаря авторской характеристике читателей получает дополнительную информацию о герое. Приведём несколько примеров, характеризующих состояние Нехлюдова: – *Есть, – сказал добродушный купец, улыбаясь во весь рот* («Воскресение», ч. 1, гл. VII; 32: 25); *Обойдя ее, он аккуратно, с края, давая место другим, сел на нее и, **вперив глаза** в председателя, точно шепча что-то, стал шевелить мускулами в щеках* («Воскресение», ч. 1, гл. VIII; 32: 27). Основная функция несобственно-прямой речи заключается том, чтобы показать ситуацию изнутри, «с позиций лица, её непосредственно переживающего» [Кухаренко 1988: 173] и с точки зрения автора-повествователя.

В любом художественном произведении центральное место занимает конфликт, который задан персонажами. Посредством персонажа писатель «выражает свое понимание человека, взятого с некоторой точки зрения, во взаимодействии подобранных писателем признаков» [Гинзбург 1979: 5]. Человек как венец мироздания является вершиной системы координат (в понимании В.А. Кухаренко) – созданного художником текста. Несомненно, наряду с описанием внешности, жестов и мимики, линии поведения, важным элементом в характеристике персонажа является его речевое поведение.

Л.Н. Толстой создал галерею образов, различающихся по происхождению, возрасту, гендерной характеристике. Каждый персонаж, созданный Л.Н. Толстым, ярок и самобытен. Писатель достигает этого путем создания портретной характеристики и при помощи речевого портрета. «В романах писатель использует такой художественный прием, как повторение, «обыгрывание» характерной внешней детали (уши Каренина, лучистые глаза княжны Марьи, шрам Кутузова, перепрыгивающие щеки князя Василия и под.). Речевой же портрет персонажа толстовских произведений формируется посредством звуковой имитации, повтора слов, употребления экспрессивной лексики, фразеологических ресурсов, синтаксических особенностей.

Писателя можно назвать мастером создания речевой характеристики. Характерной речевой деталью писатель наделяет многих героев. Так, Денисов

(«Война и мир») картавит, заменяя звук *p* звуком *z*, Аким («Власть тьмы») косноязычен, когда не может найти нужного слова постоянно повторяет *тае*, Митрича из драмы «Власть тьмы» часто произносит поговорку-пожелание *В рот им ситного пирога с горохом*, дядюшка («Война и мир») – экспрессивное выражения *чистое дело марш*, 1-ый мужик («Плоды просвещения») – суждение *Земля наша малая, не то, что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда*, а языковой чертой Платона Каратаева («Война и мир») являются паремии.

В системе образов романа-эпопеи «Война и мир» Платон Каратаев занимает особое место. Каратаев – выразитель народной философии, однако он предстаёт перед читателем как яркая языковая личность. Символичен выбор имени: Платон – известный древнегреческий мыслитель, проповедовавший идеи духовной сущности, которые составляют действительный мир, являющийся проявлением видимого мира. Так и Платон Каратаев живёт народными идеями, заключёнными в употребляемых им паремиях. Для него не важны внешние проявления действительности, т.к. человек ценен своим духовным содержанием. Во многом его характер раскрывается через прямую речь. Языковую личность Платона Каратаева отличает любовь к фольклору: в уста писателя включает около 20 паремий, раскрывающих суть авторских идей об идеальном мироустройстве. Выбор конкретной языковой единицы служит для оценки определенных фактов, отношений и ситуаций, отражает черты индивидуальной картины мира, характеризует языковую личность говорящего, т.е. имеет не только прагматическое, но и когнитивное значение. Поскольку перед нами герой литературного произведения, то свёрнутая информация, содержащаяся в паремиях, позволяет судить о характере персонажа: любви к Родине (*России да лету союзу нету; Москва, она городам мать*), вере в Бога (*Не найдем умом, а божьим судом*), трудолюбию (*Потная рука торовата, сухая неподатлива*), семейных ценностях (*Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки, Какой палец ни укуси, все больно*). В уста Платона Каратаева Толстой вкладывает паремии, имеющие обобщенное значение, носящие характер жизненных постулатов и проповедующие истинные ценности. Первый пример представляет собой фразеологически насыщенный контекст, благодаря которому можно говорить о речевом портрете героя, который в ответ на любую реплику приводит хорошо знакомую пословицу или ФЕ. Во время диалога нейтральный тон общения сменяется дружественным, о чём говорит употребление обращений, носящих неформальный характер. Создавая образ героя из народа, писатель использует элементы народного языка, частью которого являются пословицы. Примечательно, что пословицы, произносимые Платоном Каратаевым ни разу не повторяются, это свидетельствует о богатстве языка и богатом внутреннем мире персонажа: непримечательный внешне, он становится выразителем авторских идей, заключающихся в осознании жизни как основной ценности бытия.

В отличие от Платона Каратаева, в уста других, не менее ярких, колоритных героев писатель включает слова и выражения, служащие средством

самохарактеристики. Наряду с лексическими средствами, в произведениях Л.Н. Толстого средствами самохарактеристики являются фразеологические средства языка.

Хотя монолог и диалог объединяет одновременное развитие определённой темы, эти формы речи имеют и различия. Монологическому высказыванию противопоставлен диалог, под которым принято понимать форму речи, характеризующуюся сменой реплик двух и более говорящих и связью высказывания с ситуацией. Большое значение диалогическая речь имеет для раскрытия особенностей языка драматургии. В драматургии Л.Н. Толстого пословицы выступают диалогообразующим началом. В следующем примере из драмы «Власть тьмы» пословица членится на две смысловые части: первую часть паремии произносит один герой Аким, а заканчивает пословицу другой персонаж, при этом реплика Акима задаёт «продолжение» – ответную реплику:

Аким (*продолжает возиться с оборками*). *Эх, малый, тае, значит, вешний путь, тае, не дорога...*

Никита. *Это ты к чему? С пьяным речь не беседа? Да ты не сумлевайся. Чайку попьем. А я все могу, положительно все дела исправить могу* («Власть тьмы», д. 3, явл. 9; 26: 188).

Аким, выразитель идей автора, не желая разговаривать с пьяным сыном, включает в свой разговор на бытовую тему паремию-бином *Вешний путь не дорога, с пьяным речь не беседа*, сопровождая фразу излюбленным вводным словом *тае*. В этом случае писатель достигает идеи морализаторства и дидактизма, выражая своё отрицательное отношение к пьянству, как бы исподволь: вторую часть паремии договаривает Никита, адресат высказывания. Вторая часть пословицы *С пьяным речь не беседа?* представляет собой риторический вопрос, вплетённый в быстрый разговор действующих лиц. Здесь можно говорить о предумышленной связанности реплик, о перераспределении субъектно-объектных отношений, появлении новых смысловых оттенков благодаря нарушению целостности устойчивой фразы и о продуманной писателем коммуникативной стратегии. При этом основная мысль выражается одной пословицей. В созданной референтной ситуации Л.Н. Толстой выражает своё отрицательное отношение к одному из человеческих пороков – пьянству. Другим способом использования пословиц в диалогической речи является повтор. В количественном отношении фразеология преобладает в речи персонажей и несобственно-прямой речи. Различные по генетической, стилистической характеристике ФЕ использованы в речи разных по происхождению героев, однако наиболее колоритные речевые портреты созданы писателем для представления героев из народа. Выбор жанра народной драмы объясняет яркость созданных речевых партий в пьесе «Власть тьмы», а также насыщенность текста фразеологией.

Язык Л.Н. Толстого богат иноязычными элементами – иноязычными вкраплениями (ИВ)-ФЕ, заимствованными из различных языков: *volens nolens* (лат., «волей – неволей»), *vanitas vanitatus* (лат., *суета суем*), *carte blanche* (фр., *свобода действий*), *une question de vie et de mort* (фр., *вопрос жизни и смерти*),

all right (англ., *все хорошо*), *skeleton in closet* (англ., *скелет в шкафу*), *es versteht von selbst* (нем., *само собой разумеется*) и др. В языке Л.Н. Толстого в количественном отношении преобладают ФЕ-галлицизмы, использованные в нетранслитерированном виде, что свидетельствуют о безупречном владении писателя французским языком и принятыми в то время языковыми нормами.

ИВ использованы писателем без перевода, потому что фразеологический фонд французского языка знаком адресату писем. ИВ образует семантическое единство, органично входит в текст, вступая в грамматические отношения с членами предложения, что позволяет говорить о внутрифразовых кодовых переключениях. В языке Л.Н. Толстого преобладают ИВ французского происхождения, которые по-разному введены в контекст (как внутрифразовое и как межфразовое переключение кода), имеют место примеры со смешанным типом транслитерированных / нетранслитерированных ИВ. Писатель не приводит перевода выражения, почти никогда не представляет авторской самодефиниции, в редких случаях проводит семантизацию единицы в тексте. Все это позволяет сделать вывод, что адресату писем или читателю художественного произведения, по мнению автора, знакомо использованное ИВ и не требует специального комментария, а писателя можно назвать полилингвальной языковой личностью, для которой знание языков было способом понимания культуры другого народа, средством познания мира.

Третья глава «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ» посвящена анализу примеров употребления ФЕ в трансформированном виде.

Фразеология как элемент языковой системы представлена как инвариантами, так и вариантами. Под инвариантом понимаем исходный вид ФЕ, наиболее распространённый в языке и зафиксированный в лексикографии, под вариантом – ФЕ, структура или / и семантика которых модифицирована. В языке сосуществуют ФЕ, не допускающие изменения плана содержания и плана выражения и употребляемые в неизменном виде, которым противопоставлены ФЕ, претерпевающие изменения семантики или / и структуры.

В основе методологии описания фразеологических преобразований лежит несколько видов анализа, которые должны показать отличие плана содержания и плана выражения данной единицы от исходной: 1) семантический анализ является наиболее важным звеном: ФЕ сопоставляется с семантическим эквивалентом, существовавшим / существующим в языке, выявляется денотат и сигнификат в значении, сравнивается структура единиц, их словарная дефиниция; 2) ретроспективный анализ позволяет выявить первоначальный вид ФЕ, в том числе благодаря использованию данных НКРЯ; 3) контекстуальный анализ помогает сформулировать фразеологическое значение, которое получает ФЕ в контексте посредством фразеологических актуализаторов, а также определить роль ФЕ в творческом наследии писателя (тезаурусообразующие единицы); 4) историко-этимологический анализ необходим не только для определения типов вариантов и приёмов использования ФЕ, но и для установления внутренней формы ФЕ, что следует учитывать в процессе

употребления.

В настоящее время наиболее полной является классификация, предложенная А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко: выделены семантические и структурно-семантические преобразования. Данная типология в нашей работе принята за основу.

На наш взгляд, в связи с изучением языка писателя особую ценность имеют данные о том, насколько преобразования обусловлены языковыми тенденциями определённого временного отрезка или авторскими интенциями с целью экспликации различных видов коммуникативного намерения – от формального до концептуального. Поэтому в ядерной зоне находятся узуальные, отражающие общеязыковое, формальное употребление, а на периферии – окказиональные варианты узуальных ФЕ и окказиональные ФЕ.

Фразеология в языке Л.Н. Толстого подвержена формальному, семантическому и структурно-семантическому варьированию.

Особый интерес представляют комплексные варианты. Комплексное (сложное, комбинированное) варьирование как тип преобразований выделяют О.В. Бойко, А.М. Григораш, И.В. Зыкова, А.С. Макарова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др. Исследователи сходятся во мнении, что цель таких преобразований – прагматическая цель, которая реализуется при создании высказывания. В основе преобразований комплексного характера лежит соединение образной основы ФЕ и паремий. Представим подобные примеры и прокомментируем их.

В результате ряда комплексных преобразований образуются новые единицы, рассмотрим механизм их появления: *Очень рад был получить от вас письмо, дорогой кум; несмотря на то, что она, хотя и всё доброе, **пересыпано сердцем, как перцем*** (Письмо С.С. Урусову 22-28 декабря 1879 г.; 62: 509). Ср.: *И без перца дойдет до сердца* (БСРП: 648, 804); *Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как **коса на камень, наткнулись на холодную самоуверенность Алексея Александровича*** («Анна Каренина» ч. 1, гл. XXXI; 18: 113). Ср.: *Нашла коса на камень* (Снегирёв: 41).

В первом примере комплексное преобразование представляет собой включение одного из компонентов в сравнительный оборот и внутреннюю синтаксическую трансформацию, в третьем – наблюдается вычленение части пословицы *Нашла коса на камень* и включение в состав сравнительного оборота. Таким образом, писатель заимствует лишь образную основу паремии, на базе которой создаёт новую единицу, при этом подвергает её трансформации. Представленные примеры доказывают справедливость замечания, что включение единицы или ее части в состав сравнительного оборота, «позволяет оживить потерявшие гибкость компонентные сочленения» используемой единицы, а также ее «первичную образность» [Мелерович, Мокиенко 2008: 324].

Рассмотрим примеры функционирования БФЕ *волк в овечьей шкуре* – «человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели» (ФСРЛЯ 1: 93): *И книга моя, и я сам есть обличение обманщиков,*

тех лжепророков, которые придут **в овечьей шкуре** и которых мы узнаем **по плодам** (Письмо Гр. А.А. Толстой 3 марта 1882 г.; 63: 90); **Любовь не может быть вредной, но только бы она была любовь, а не волк эгоизма в овечьей шкуре любви**. Только стоит спросить себя: **готов ли я для его, её блага никогда не видеть его, её, прекратить с ней, с ним сношения**. Если нет, то это волк и его надо бить и убить. Я знаю Вашу религиозную и любящую душу и потому уверен, что вы победите волка, если он есть (Письмо И.М. Трегубову 19 июля 1897 г.; 70: 109). В первом примере происходит окказиональная субституция путём замены компонента **волк** на **обманщиков, лжепророков**, а также вычленение из состава БФЕ **волк в овечьей шкуре** и **пожирать плоды сочетания** и ключевого слова, благодаря чему писатель образует окказиональную фразеологическую конфигурацию, имеющую экспрессивную неодобрительную окраску. Второй пример представляет собой экспликацию нескольких компонентов, благодаря чему достигается коренное переосмысление БФЕ.

Покажем, какие комплексные преобразования характерны для ФЕ-синонимов **выходить / выйти из колеи** и **выбивать / выбить из колеи** и их антонима **входить / войти в колею**: **Но, несмотря на все старание притворства перед другими и самим собой, несмотря на умышленное усвоение всех признаков, которые я замечал в других в влюбленном состоянии, я только в продолжение двух дней, и то не постоянно, а преимущественно по вечерам, – вспоминал, что я влюблен, и, наконец, как скоро вошел в новую колею **деревенской жизни и занятий**, совсем забыл о своей любви к Сонечке** («Юность», гл. XXVIII; 2: 162). Ср.: **входить / войти в колею** – «Прийти в обычное состояние, вернуться к привычному образу жизни» (ФСРЯТ: 112); **Не раз пробовал я **выйти из грязной колеи, по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу**** («Записки маркёра», 3: 116). Ср.: **выходить / выйти из колеи** – «Перестать вести обычную, нормальную жизнь» (ФСРЯТ: 112).

Первый из приведённых примеров содержит окказиональную ФЕ, образованную за счёт расширения компонентного состава и использования образной основы, в результате чего появляется концептуальный вариант ФЕ второй пример, получающий благодаря контексту дополнительную коннотативную окраску, тоже является подобной иллюстрацией (**выйти из грязной колеи на светлую дорогу**), где актуализаторами являются контекстуальные антонимы **грязной колеи – светлую дорогу**.

В приведённом ниже примере наблюдается сочетание субституции и экспликации за счёт окказиональных компонентов: **Кроме того, у меня было два горя, которые **вывели меня из моей зимней и весенней отвлеченной рабочей колеи**** (Письмо Н.Н. Страхову 31 мая 1873 г.; 62: 31).

Следующий пример представляет собой сочетание морфологического варьирования и расширения компонентного состава ФЕ, это фразеологически насыщенный контекст, в котором актуализаторы мотивируют включение прилагательного **привычный**, за счёт которого происходит интенсификации ФЕ и появляется усилительный оттенок: **После разорения Москвы и его имени,**

выбитый из привычной колеи, он, видимо, потерял сознание своего значения и чувствовал, что ему уже нет места в жизни («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. XIV; 12: 54).

В отличие от предыдущих, примеры варьирования из романа «Анна Каренина» носят формальный характер, поскольку экспликация ФЕ за счёт указательных местоимений характерна для узуса, как и субституция на основе синонимии: *Он чувствовал себя **выбитым из той колеи**, по которой он так гордо и легко шел до сих пор* («Анна Каренина», ч. 4, гл. XVIII; 18: 436). Ср.: *выбивать / выбить из колеи* – «Нарушать / нарушить привычное течение жизни, ход тел» (ФСРЯТ: 112). *Он, кроме того, опять **попал в прежнюю колею жизни*** («Анна Каренина», ч. 4, гл. XXIII; 18: 456).

Таким образом, глагольные ФЕ с компонентом *колея* в языке Л.Н. Толстого подвержены расширению компонентного состава за счёт определения, которое конкретизирует значение ФЕ, что позволяет сделать вывод о типичности для языка подобных вариантов, а также о взаимодействии обозначенного приёма с грамматическими преобразованиями.

В основе комплексного преобразования может лежать лишь фразеологический образ, который в языковом сознании говорящего имеет определённые ассоциации.

Согласно «Словарю русской фразеологии», в основе паремии *На воре шапка горит* лежит старинный анекдот «о том, как нашли на рынке вора: после тщетных попыток найти вора люди обратились за помощью к знахарю-колдуну. Тот повел потерпевших на многолюдный рынок и громко крикнул в толпу: «Смотрите-ка! На воре-то шапка горит!». И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был обнаружен и уличен» (Бирих 1998: 98). В данном примере субституцию, построенную на контекстуальной синонимии, сопровождает внутреннее синтаксическое преобразование: *И меня всегда радует вид горящих шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах* (Письмо В.В. Стасову 4 сентября 1894 г.; 67: 216). Ср.: *На воре шапка горит* – «О человеке, совершившем что-л. дурное, который непременно себя выдаст» (Бирих 1998: 98).

Импликация паремии с выделением «осколка» сочетается с экспликацией, в результате чего возникает окказиональное преобразование: *И странное дело, это физическое нездоровье нисколько не беспокоит меня. То, что он прибавил или убавил веса, оставляет меня совершенно равнодушным, тогда как всякая малейшая часть золотника его нравственного веса чувствительна мне и трогает меня* (Письмо В.Г. Черткову 8 февраля 1894 г.; 87: 255). Ср.: *Мал золотник, да дорог* (Жуков: 217).

В основе следующего окказионального комплексного преобразования лежит БФЕ *между Сциллой и Харибдой* со значением «В тяжёлом положении, когда опасность угрожает с двух сторон» (ФСРЛЯ 2: 293). Здесь наблюдается внутреннее синтаксическое преобразование и множественная экспликация: *Боюсь, что я напрасно обнадежил вас обещанием писать свои воспоминания. Я попробовал думать об этом и увидел, какая страшная трудность **избежать***

Харибды самовосхваления (посредством умолчания всего дурного) и Сциллы цинической откровенности о всей мерзости своей жизни (Письмо П.И. Бирюкову 20 августа 1902 г.; 73: 278).

БФЕ *вливать вино новое в меха старые* (БСКСВРЯ 1: 180) повторяется в рамках минимального контекста с целью усиления экспрессии. Кроме того, наблюдается грамматическое преобразование, субституция (*вливать* – *наполнить*), синтаксическая инверсия: *Вся книга и проповедь ваша, по моему мнению, ослабляется тем, что пытаетесь влить вино новое в меха старые. Мехи старые, которые вы хотите наполнить новым вином, это государство и церковь* (Письмо Д.Д. Херрону, 2-3 июля 1895 г.; 68: 111).

Комплексные трансформации могут приводить к стилистическим эффектам. В результате комплексного преобразования ФЕ *зла не помнить* (ФСРЛЯ 2: 122) образовалась окказиональная ФЕ *попомнить мое добро*, с изменением коннотацию, это помогает охарактеризовать персонажа повести: – *Ведь я охотой за брата пошел, – рассказывал Авдеев. – У него ребята сам-пят! А меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мне! Авось попомнят мое добро* («Хаджи-Мурат», гл. II; 35: 14).

Вследствие множественной экспликации БФЕ *святая святых* «Книжн. Высок. Самое дорогое, заветное, сокровенное» (ФСРЛЯ 2: 225) получает стилистически сниженный характер: *Он ехал и отдохнуть на две недели, и в самой святой святых народа, в деревенской глуши, насладиться видом того поднятия народного духа, в котором он и все столичные и городские жители были вполне убеждены* («Анна Каренина», ч. 8, гл. I; 19: 353).

Индивидуально-авторский характер носят ФЕ перифрастического характера, появляющиеся в результате комплексных преобразований за счёт включения местоимения *то*: *Так естественно и просто кажется то, чтобы ломиться в ту дверь, за которой находится то, что нам нужно, и тем более естественно, что позади нас стоят толпы людей, напирющие на нас и прижимающие нас к двери. А между тем чем упорнее мы ломимся в дверь, за которою находится то, что мы считаем благом, тем меньше надежды проникнуть за нее. Она отворяется только на себя¹* («К рабочему народу, XV; 35: 148). Ср.: *ломиться в открытую дверь* (ФСРЛЯ 1: 359). В приведённом примере наблюдается повторение ФЕ с целью усиления экспрессии, а фразеологический образ подвергается развёртыванию благодаря множественной экспликации.

Фразеологически насыщенный контекст, будучи одним из типов фразеологических конфигураций, является чертой языковой личности Л.Н. Толстого. В языке писателя встречаются примеры, где одновременно варьированию подвержено несколько единиц: *Хорошо бы вашими устами мед пить и думать, что хоть не везешь, но участвуешь в везении воза. Того только одного желаю, но то, что меня оставляют в покое, заставляет меня сомневаться в этом* (Письмо Д.Р. Кудряшову 16 января 1895 г.; 68: 17-18). Ср.:

¹ Авторское выделение в тексте

Вашими (твоими) устами <да> мёд пить (Жуков: 74), *возить воду* (ФСРЛЯ 1: 90), *оставить / оставлять в покое* (ФСРЯТ: 183); *Всякое устройство своей жизни, всякая затея – связь, соблазн, и выкупать ничто ничего не может, потому что, как вы знаете так же, как и я, деятельности самой по себе никакой нет ни хорошей ни дурной; есть только хорошие или дурные побуждения. А считать какое-либо свое дело хорошим, позволять левой знать, что делает правая, оглядываться назад – нехорошо* (Письмо В.Г. Черткову 12 декабря 1890; 90: 59). Наблюдается экспликация паремии *Вашими устами мёд пить* за счет прибавления к одному из компонентов паремии однородного члена, а также грамматические преобразования *возить воду*; во втором – грамматические преобразования БФЕ *левая рука не знает, что делает правая* (Михельсон 1: 521). Фразеологически насыщенный контекст помогает получить используемым единицам большую экспрессию, служит конкретизации высказывания.

Контекст способствует реализации смысловых значений фразеологии и происходит реализация инновационного потенциала: уточнение фразеологического значения или появление окказиональное значение, формулировке которого в языке писателя помогает семантизация единиц в тексте, когда посредством авторской семантизации происходит толкование значения концептуально значимых для Л.Н. Толстого единиц. Смысловой реализации фразеологии способствует анализ фразеологических актуализаторов в составе контекста. В количественном отношении преобладают структурно-семантические преобразования, среди них – расширение компонентного состава (экпликация) и замена компонента в составе единицы (субституция). Структурно-семантические преобразования в текстах Л.Н. Толстого часто обусловлены «вертикальным» контекстом, служат актуализации высказывания, увеличению экспрессии, являясь иллюстрацией преобразований концептуального характера.

Влияние жанрово-стилистической отнесённости текста также объясняет выбор трансформов. Для реализации художественного замысла писатель использует фонетические варианты, которые помогают читателю представить персонаж более полно (например, диалектные особенности, социальное происхождение, особенности артикуляционного аппарата). Эпистолярный включает значительное количество примеров расширения компонентного состава с целью выражения авторских интенций; в письмах фразеология, будучи частотным языковым явлением, служит для Л.Н. Толстого мощным экспрессивно-выразительным средством, в т.ч. посредством концептуального варьирования и создания фразеологически насыщенного контекста. Варьированию подвержены различные с точки зрения происхождения ФЕ. Хорошее знание фразеологии русского и европейских языков позволяет органично включать «инородные» компоненты в состав единицы. В языке Л.Н. Толстого представлены примеры апелляции к внутренней форме ФЕ, прототипической ситуации, лежащей в основе образования единицы. Наличие примеров вариантов БФЕ говорит не только о понимании писателем

символического значения библейской фразеологии, но и о знании текста Библии: в текстах нередко приводятся библейские цитаты.

Четвёртая глава «ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА Л.Н. ТОЛСТОГО» носит синкретичный характер: опираясь на существующую теорию фразеологии, мы решаем задачу по выработке концепции создания «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого».

Поскольку словарь служит источником для дальнейших лингвистических исследований (Л.В. Щерба), «Фразеологический словарь Л.Н. Толстого» может стать одним из первых этапов создания словаря языка Л.Н. Толстого. Кроме того, создание «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» позволит рассмотреть динамическое развитие не только всего фразеологического корпуса, но и конкретных ФЕ, а также охарактеризовать языковую личность писателя в целом. Приём сплошной выборки помогает представить фонд ФЕ, паремий и КВ наиболее полно, упорядоченно, дополнить сведения о языке XIX в. Вместе с тем критерии отбора ряда единиц зависят от посыла составителя и цели создания словаря: для характеристики языковой личности несущественную роль играют т.н. служебные ФЕ, ФЕ-терминоточетания и др. Выбор формы заголовочных единиц объясняется речевым использованием, а не языковой, распространённой в лексикографии традицией. Стержневой принцип расположения материала упрощает «чтение» словаря: поиск интересующей единицы идёт быстрее. Кроме того, наличие в конце словаря перечня описанного фразеологического корпуса также способствует удобству работы с ним.

Отнесение фразеологического материала к определённому разделу (например, паремии, КВ) объясняется разнородностью состава фразеологии языка Л.Н. Толстого. Словник «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» составлен с опорой на существующие лексикографические источники, с учётом которых происходила верификация полученного фразеологического корпуса.

Распределение материала производится по стержневому принципу. Выбранный стержневой принцип позволяет читателю быстрее найти необходимую единицу. Стержневые компоненты располагаются в алфавитном порядке. Например, при описании паремий: **КАКОЙ ПАЛЕЦ НИ УКУСИ, ВСЁ БОЛЬНО.** См. **ПАЛЕЦ; ПЕТУХИ КРИЧАТ РАНО К ВЕСЁЛОЙ НОЧИ.** См. **ПЕТУХ.** В том случае, если в ФЕ нельзя выделить стержневое слово (при сочинительной связи компонентов), то по первому знаменательному слову: **НИ ТО НИ СЁ.** См. **ТО.** При лексикографическом описании ФЕ-ИВ используется алфавитный порядок: **A BON ENTENDEUR – SALUT!** Франц. Благо тому, кто умеет слушать! **ALL IS RIGHT, WHAT IS RIGHT.** Англ. Посл. Все хорошо, что хорошо. ФЕ с одной фразеолеммой (например, **ВЫЦАРАПАТЬ ГЛАЗА, ПОДНИМАТЬ / ПОДНЯТЬ ГЛАЗА**) объединены в пределах словарной статьи **ГЛАЗ**, т.к. соматизмы, наряду с зоонимами, названиями стихий, цветами и под., являются наиболее продуктивными,

благодаря чему словарная статья становится более информативной. ФЕ-омонимы приводятся в отдельных словарных статьях и сопровождаются индексами: **ЗА ГЛАЗА**¹, **ЗА ГЛАЗА**². Все значения многозначных ФЕ даются только в том случае, если они используются писателем.

Структура словарной статьи носит традиционный характер и включает т.н. языковую и речевую зоны и состоит из следующих элементов: стержневой элемент, заголовочная единица (лемма, вокабула), экспрессивно-стилистическая помета (если есть), словарная дефиниция, иллюстративная часть, информативный комментарий. Опора на существующие фразеографические издания в большинстве случаев помогает сформировать область значения, однако при формулировке области значения необходимо учитывать контекстуально обусловленное значение, а также авторскую «самодефиницию» (в т.ч. в спорных случаях: например, при объяснении значений камерной фразеологии). Иллюстративная часть включает примеры из текстов различных стилей и жанров, расположение материала проводится в хронологическом порядке, что позволяет увидеть, как менялись авторские предпочтения, для какого периода творчество характерно употребление данной единицы, как выражался творческий потенциал писателя при создании трансформов. При наличии вариантов ФЕ приводятся все зафиксированные варианты с определением их типов и иллюстрацией примеров. Информативный комментарий является факультативным элементом словарной статьи и содержит сведения историко-этимологического, биографического, лингвокультурологического характера. Словарную статью венчает перечисление зафиксировавших единицу лексикографических изданий с точным указанием издания и номера страницы, что позволяет получить сведения о времени лексикографической фиксации и описания и влияния писателя на факт вхождения в литературный язык.

Особое место занимают единицы, не включённые в общеизвестные словари, обладающие признаками ФЕ / паремии; при исследовании языка писателя их фиксация обязательна. В том случае, если описываемая единица уже содержится в лексикографических источниках, то словарь называется с указанием страницы, т.е. происходит чёткая паспортизация. Используется специальное графическое обозначение **v**.

Работа по созданию словарей пословиц языка писателя может получить новый импульс: следующим этапом для лексикографов должно стать составление сводного словаря паремий, крылатики, используемых русскими писателями, который позволит не только увидеть особенности авторского языка, выявить основные тенденции использования пословиц и поговорок в «кресте реальности» (термин В.Н. Телия), т.е. в синхронии и диахронии, но и уточнить характер употребления той или иной единицы, констатировать время и место появления нового варианта. Дискурсивное описание паремий, КЕ, несомненно, будет опираться на существующие паремиографические и крылатографические сборники. Отдельно стоит рассмотреть ИВ, для чего следует создать, опираясь на немногочисленные словари этого вида, общий

фонд ИВ с включением единиц, появившихся в XX – начале XXI вв.

В Заключении подводятся итоги проведённого исследования.

Смена общегуманитарной парадигмы отразилась и на направлениях лингвистического исследования: текст стал объектом интегрированного, комплексного анализа, использующего достижения различных наук – от фольклористики до лингвистики текста. Антропоцентрический подход актуализировал изучение особенностей ЯЛ, в основу которого положен анализ существующих текстов. Изучение роли фразеологии в языке Л.Н. Толстого носило, как правило, фрагментарный характер, в связи с чем возникла необходимость в многоаспектном описании – от формирования фразеологического корпуса через интерпретацию к лексикографическому описанию. Фразеология языка Л.Н. Толстого представляет собой многоплановый объект лингвистического исследования, т.к. она является значимой частью всего фразеологического фонда русского языка и характеризуется многообразием типов, вариантною форм, примером фразеологизации ряда ФЕ, в т.ч. КВ.

Насыщенность анализируемых текстов ФЕ, представленными как в трансформированном виде, так и в неизменном составе, выполняющими разные функции, свидетельствует о важной роли этих фразеоресурсов русского и иностранных языков в индивидуальном стиле Л.Н. Толстого, говорить о фразеологии как неотъемлемой черте ЯЛ писателя. Диахронический и синхронический анализ языка Л.Н. Толстого дополняет сведения о русском языке XIX – начала XX в., позволяя представить нормативную форму ФЕ, определить языковые предпочтения на фоне других писателей, показать трансформационный потенциал фразеологии в определённый период. Писатель с удивительным мастерством использовал такие единицы в речи, чем добивался яркости и сочности языка. Тексты Л.Н. Толстого насыщены характерными для русского языка XIX века не только БФЕ, но и цитатами, намеками на религиозные тексты от Ветхого и Нового Заветов до молитв. Если в художественном произведении это продиктовано замыслом писателя, идейной направленностью, смысловым содержанием, то в письмах перед нами Л.Н. Толстой предстает не как художник, а скорее как человек, использующий БФЕ в первую очередь как для отражения своей духовной сущности, религиозных воззрений. Использование различных фразеологических средств в качестве сильной позиции позволяет писателю сформировать «рамку» текстов разных стилей и жанров.

Реализация значений ФЕ, как и слов, наиболее ярко проявляется в контексте, который помогает в паспортизации и лексикографическом описании фразеологического фонда Л.Н. Толстого. Выработка метаязыка «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» находится в русле современной писательской лексикографии. Данный словарь представляет палитру писательских предпочтений и раскрывает мастерство Л.Н. Толстого при употреблении ФЕ.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Работы, в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Ломакина, О.В. Роль фразеологизмов в создании концептосферы художественного произведения (на материале народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Известия Тульского государственного университета. Серия: Язык и литература в мировом сообществе. – 2006. – Вып. 9. Лингвокультурологические аспекты изучения русского языка. – С. 99–105. (0,41 п.л.)
2. Ломакина, О.В. Изучение поздних произведений Л.Н. Толстого на уроках литературы (материалы к уроку по повести «Посмертные записки Фёдора Кузмича») [Текст] / О.В. Ломакина // Русская словесность. – 2007. – № 1. – С. 25–27. (в соавторстве с Н.А. Левитской) (0,26 п.л., авт. 0,13 п.л.)
3. Ломакина, О.В. Фразеографический потенциал соматизма «ГЛАЗ» (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / Под ред. М.Г. Абрамзона. Вып. 2 (24). – Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; тип. МГПК, 2009. – С. 832–836. (0,25 п.л.)
4. Ломакина, О.В. Заглавие-паремия как способ выражения авторской позиции в художественном тексте (на материале народных рассказов Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 3. – С. 125–129. (0,45 п.л.)
5. Ломакина, О.В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 6. – С. 217–221. (0,65 п.л.)
6. Ломакина, О.В. Окказиональная фразеология Л.Н. Толстого: типология, употребление, тенденции [Текст] / О.В. Ломакина // Мир русского слова. – 2011. – № 2. – С. 20–25. (0,6 п.л.)
7. Ломакина, О.В. О современном лексикографическом описании русских пословиц [Текст] / О.В. Ломакина // Русский язык в школе. – 2011. – № 5. – С. 107–110. (0,43 п.л.)
8. Ломакина, О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Вопросы филологии. – 2011. – № 2. – С. 67–72. (0,58 п.л.)
9. Ломакина, О.В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – Вып. 3 (33). – М.; Магнитогорск; Новосибирск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2011. – С. 215–222. (0,62 п.л.)
10. Ломакина, О.В. Особенности употребления крылатого выражения-галлицизма медовый месяц в современной российской публицистике (на материале Национального корпуса русского языка) [Текст] / О.В. Ломакина //

Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). Т. 1. Ноябрь. – С.52–56. (в соавторстве с А.С. Макаровой) (0,6 п.л., авт. 0,3 п.л.)

11. Ломакина, О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177–180. (0,4 п.л.)

12. Ломакина, О.В. Историко-этимологическая справка в авторском словаре [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – М.; Магнитогорск; Новосибирск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати». – 2014. – № 3 (45). – С. 335–337. (0,35 п.л.)

13. Ломакина, О.В. Иноязычная фразеология и паремиология в текстах Л.Н. Толстого: особенности переключения языкового кода [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 7 (60). – С. 93–96. (0,4 п.л.)

14. Ломакина, О.В. Французские фразеологизмы и пословицы в языке Л.Н. Толстого: функциональный аспект [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – 2014. – № 2. – С. 199–204. (0,4 п.л.)

15. Ломакина, О.В. Язык Л.Н. Толстого как предмет лексикографического описания: обзор словарей и описание лексикографических анонсов [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 6. – С. 184–187. (0,54 п.л.)

16. Ломакина, О.В. Роль фразеологических актуализаторов в смысловой реализации фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 2. – С. 7–13. (0,62 п.л.)

17. Ломакина, О.В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации [Текст] / О.В. Ломакина // «Филология и культура. Philology and Culture». – 2015. – № 4. – С. 92–97. (0,56 п.л.)

18. Ломакина, О.В. Комплексное фразеоварьирование в языке Л.Н. Толстого: проблематика изучения и лингвистический комментарий [Текст] / О.В. Ломакина // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 4. – С. 25–32. (0,62 п.л.)

II. Статьи, материалы, тезисы

19. Ломакина, О.В. Фразеология писем Л.Н. Толстого (1894 г.) [Текст] / О.В. Ломакина // Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тезисов и докладов. – Тула: Гриф и К°, 1997. – С.100–102. (0,1 п.л.)

20. Ломакина, О.В. Фразеология романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // XXIII Междунар. Толстовские чтения. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1997. – С.95–97. (0,1 п.л.)

21. Ломакина, О.В. О фразеосемантических полях в письмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // VII Межвуз. студенческие чтения по социально-гуманитарным проблемам «Наука и общество»: Тезисы выступлений. – Тула, 1998. – С.122–123. (0,1 п.л.)
22. Ломакина, О.В. Типы использования крылатых выражений в письмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // XXIV Междунар. Толстовские чтения. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 184–186. (0,1 п.л.)
23. Ломакина, О.В. Фразеологизмы - термины в письмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы междунар. конф. – Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 1998. – С.59–61. (0,1 п.л.)
24. Ломакина, О.В. Особенности функционирования пословично-поговорочных выражений в эпистолярных текстах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология-2000: Материалы Всероссийск. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000 г.). – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – С.214–218. (в соавторстве с Ю.В. Архангельской) (0,24 п.л., авт. 0,12 п.л.)
25. Ломакина, О.В. «Камерная фразеология» как отражение картины мира (на материале писем Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // «Юрьевские чтения»: Материалы междисциплинарной конф. молодых филологов. Вып. II: 2001 г. – СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – С. 58-60. (0,15 п.л.)
26. Ломакина, О.В. Язык народных драм Л.Н. Толстого в трудах лингвистов: опыт анализа [Текст] / О.В. Ломакина // Духовное наследие Л.Н. Толстого и современный мир: Материалы XII межрегиональных Барышниковских чтений «Русская классика: проблемы интерпретации». – Липецк Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та, 2003. – С. 343–349. (0,37 п.л.)
27. Ломакина, О.В. Способы преобразования фразеологизмов в народных драмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Толстовский сборник – 2003. Л.Н. Толстой и судьбы современной цивилизации: Материалы XXIX Междунар. Толстовских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения Л.Н. Толстого: В 2-х ч. Ч. 1: Литературоведение и лингвистика. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2003. – С. 358–361. (0,21 п.л.)
28. Ломакина, О.В. В.Л. Архангельский об основных направлениях в изучении языка Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Высшая школа: история, проблемы, решения, перспективы / Под ред. Н.Н. Панферовой. – Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2003. – С. 73–74. (0,1 п.л.)
29. Ломакина, О.В. Виды преобразования фразеологизмов (на примере народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Наследие Л.Н. Толстого и современность. Сб. материалов науч. конф. 13-14 ноября 2003 года. – Витебск: Изд-во УО «Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова», 2003. – С. 36–39.
30. Ломакина, О.В. Синтаксическая инверсия как способ авторского преобразования фразеологизмов (на примере народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. тр. по материалам докладов и сообщений конференции.

- (Смоленск, 30-31 марта, 2004 г.). Ч. 2. – Смоленск: Смоленское областное книжное изд-во «Смядынь», 2004. – С. 34–36. (0,14 п.л.)
31. Ломакина, О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения [Текст] / О.В. Ломакина // Жанрологический сборник. Выпуск 1. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2004. – С. 62–65. (в соавторстве с Н.А. Левитской) (0,24 п.л., авт. 0,12 п.л.)
32. Ломакина, О.В. Культурно значимая роль пословично-поговорочных выражений с позиций современной гуманитаристики (на материале народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // «Поэтика» литературных гнезд: филология, история, краеведение: Материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. – Тула: Гриф и К°, 2005. – С. 79-82. (в соавторстве с Н.А. Левитской) (0,2 п.л., авт. 0,1 п.л.)
33. Ломакина, О.В. Характеристика концептуальной дихотомии «Бог–черт» (на фразеологическом материале народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Информационный потенциал слова и фразеологизма: Сб. науч. тр. – Орел: ООО Издательский Дом «Орлик», 2005. – С. 355–359. (0,18 п.л.)
34. Ломакина, О.В. Роль фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в формировании концепта «Человек» (на материале народных драм Л.Н. Толстого). [Текст] / О.В. Ломакина // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Изд-во «Элпис», 2006. – С. 431–435. (0,34 п.л.)
35. Ломакина, О.В. Субституция как один из способов структурно-семантических преобразований фразеологизмов в народных драмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской: Вып. 3 / Отв. ред. Н.Б. Усачёва. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 191–194. (0,28 п.л.)
36. Ломакина, О.В. Особенности функционирования паремий в народных драмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 1. – Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – С. 288–290. (0,26 п.л.)
37. Ломакина, О.В. Отражение русского национального характера во фразеологии народных драм Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы семантики языковых единиц в Контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 17–19 марта 2006 г.) – М.: ООО «Издательство "Элпис"», 2006. – С. 322–326. (в соавторстве с Н.А. Левитской) (0,36 п.л., авт. 0,18 п.л.)
38. Ломакина, О.В. Фразеологические средства вербализации концепта «дом» в народных драмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. тр. по материалам докладов и сообщений конференции. (Смоленск, 3-4 октября, 2006 г.). – Смоленск: Смоленское областное книжное изд-во «Смядынь», 2006. – С. 77–80. (0,16 п.л.)
39. Ломакина, О.В. Народные драмы Л.Н. Толстого как объект концептуального анализа (на фразеологическом материале) [Текст] / О.В. Ломакина // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного. Новые технологии в лингвистической и методологической науке. – Велико-Тырново, 2006. – С. 438–441. (0,23 п.л.)

40. Ломакина, О.В. Характеристика предметной фразеологии (на материале народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. «Русский язык и методика его преподавания: традиции и современность». – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2006. – С. 28–29. (0,16 п.л.)
41. Ломакина, О.В. Характеристика базового концепта «Семья» фразеологическими средствами (на материале народных драм Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики. Вопросы филологического образования: материалы Российской науч.-практ. конф. (16–17 февраля 2006 г.) / Отв. ред. Н.Е. Ерофеева. – Орск: Изд-во Орского гуманитарно-технического ун-та, 2006. – С. 129–132. (в соавторстве с Н.В. Амелиной) (0,2 п.л., авт. 0,1 п.л.)
42. Ломакина, О.В. Об использовании диалектных фразеологизмов в народных драмах Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: Межвуз. сб. науч. тр. (к 60-летию Татьяны Викторовны Майоровой). – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 93–95. (0,2 п.л.)
43. Ломакина, О.В. Окказиональные преобразования фразеологизмов как черта идиостиля Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках: Материалы III Междунар. науч. конф. / Днепропетровск 19-20 апреля 2007 г. / Составитель Т.С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2007. – С. 143–146. (0,2 п.л.)
44. Ломакина, О.В. К вопросу о методологической разработке описания концептосферы художественных произведений определенного жанра [Текст] / О.В. Ломакина // Славянские языки и культура. Материалы Междунар. конф. (Тула, 17-19 мая 2007 г.). – Тула: Издательство «Петровская гора», 2007. – С. 60–63. (0,32 п.л.)
45. Ломакина, О.В. Эллипсис как один из способов структурно-семантических преобразований пословиц и поговорок в художественных произведениях Л.Н. Толстого: современный взгляд на языковое явление [Текст] / О.В. Ломакина // Активные процессы в современной лексике и фразеологии. Материалы междунар. конф. 8-9 июня 2007 г. – М.– Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 112–115. (0,2 п.л.)
46. Ломакина, О.В. Способы раскрытия смыслового содержания фразеологизма в тексте (на примере художественных произведений и писем Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского. Материалы VII Междунар. конф. – Владимир: ВГПУ, 2007. – С. 171–174. (0,14 п.л.)
47. Ломакина, О.В. О тенденциях современной писательской лексикографии [Текст] / О.В. Ломакина // Восьмые Поливановские чтения. Сб. ст. по материалам и докладом конференции. Часть 1. Проблемы социолингвистики. Лексика и фразеология. Смоленск, 2-3 октября 2007 г. – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 144–146. (0,22 п.л.)
48. Ломакина, О.В. Концепт «ПЬЯНСТВО» и его отражение во фразеологии (на материале русской литературы 2-й пол. XIX в.) [Текст] / О.В. Ломакина // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 2. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 202–206. (0,26 п.л.)

49. Ломакина, О.В. К проблеме фразеографического описания камерной фразеологии (на материале текстов Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. тр. по лексикографии / ГрГУ им. Я. Купалы; отв. ред.: Л.В. Рычкова, В.Л. Воронович. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 83–85. (0,17 п.л.)
50. Ломакина, О.В. К проблеме создания словаря фразеологии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // IV Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». – М., 2007. – С. 309–310. (0,1 п.л.)
51. Ломакина, О.В. Языковая личность Л.Н. Толстого: когнитивный уровень [Текст] / О.В. Ломакина // Русская литература в формировании современной языковой личности. Материалы конгресса. Санкт-Петербург, 24-27 октября 2007 г. Литература в формировании языковой личности: этапы и варианты / Под редакцией П.Е. Бухаркина, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. – В двух частях. – Ч.1. – СПб.: МИРС, 2007. – С. 495–496. (0,14 п.л.)
52. Ломакина, О.В. О функционировании фразеологизмов в текстологии Л.Н. Толстого // *Jezyk. Czlowiek. Dyskurs*. – Szczecin, 2007. – S.111–117. (0,4 п.л.)
53. Ломакина, О.В. Проблемы изучения языковой личности Л.Н. Толстого в когнитивном аспекте [Текст] / О.В. Ломакина // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийск. науч. конф. с междунар. участием (26-27 октября 2007 г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С. 206–209. (0,21 п.л.)
54. Ломакина, О.В. Анализ прецедентных текстов для адекватного понимания произведений художественной литературы (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. специалистов-филологов и преподавателей русистов по проблемам функционирования, преподавания и продвижения русского языка за рубежом 11-13 декабря 2007 года. – М.: Издательство ИКАР, 2007. – С. 1006–1011. (0,26 п.л.)
55. Ломакина, О.В. Прецедентные тексты в художественных произведениях, письмах и дневниках Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Русский язык в системе славянских языков: История и современность (выпуск II). Сб. науч. тр. – М.: Издательство МГОУ, 2008. – С. 110–115. (0,23 п.л.)
56. Ломакина, О.В. Принципы отбора материала при составлении «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: Междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.) – М.: ООО «Издательство "Элпис"», 2008. – С. 507–509. (0,16 п.л.)
57. Ломакина, О.В. О концепции «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т./ отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 198–201.
58. Ломакина, О.В. Семантические преобразования фразеологических единиц в текстологии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сб. науч. ст. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – С. 140–143. (0,2 п.л.)

59. Ломакина, О.В. О создании словаря фразеологии драматургии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Реалии современной практики преподавания дисциплин филологического цикла и перспективы развития методической мысли: Материалы Междунар. науч.-практ. заочной конф., посвящённой юбилею профессора Е.П. Прониной (апрель-октябрь 2008 г.). – Самара, 2008. – С.107–110. (0,22 п.л.)
60. Ломакина, О.В. Эмоционально-экспрессивная функция фразеологизмов в художественном произведении (на материале текстов Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Наше слово: К 80-летию профессора В.Д. Бондалетова. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2009. – С. 252–256. (0,2 п.л.)
61. Ломакина, О.В. Паремии как ретрансляторы культурной традиции в языке (на материале текстов Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Славянские языки и культуры в современном мире: Междунар. науч. симпозиум (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24-26 марта 2009 г): Труды и материалы / Составители О.В. Дедова, Л.М. Захаров; Под общим руководством М.Л. Ремнёвой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 370. (0,15 п.л.)
62. Ломакина, О.В. Агглютинация фразеологизмов в текстологии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. науч. симпозиума. 4-6 мая 2009 г. / Отв. ред. В.И. Макаров. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 137–139. (0,25 п.л.)
63. Ломакина, О.В. Интертекстуальный анализ художественного произведения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Материалы Междунар. симпозиума «Русская литература в мировом контексте». К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. – Усть-Каменогорск, 2009. – С. 93–101. (0,47 п.л.)
64. Ломакина, О.В. Объекты лексикографии: обзор современных словарей [Текст] / О.В. Ломакина // V Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». Москва, 24-27 сентября 2009 г. Тезисы докладов. – М., 2009. – С. 243–244. (0,1 п.л.)
65. Ломакина, О.В. Пословицы и поговорки как средство самохарактеристики героя в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» [Текст] / О.В. Ломакина // Девятое Поливановские чтения. Сб. ст. по материалам докладов и сообщений конференции. Часть II. Общие вопросы языкознания. История языка и диалектология. Слово в тексте. Смоленск, 2–3 октября 2009 г. – Смоленск: СмолГУ, 2009. – С. 196–198. (0,11 п.л.)
66. Ломакина, О.В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Cuadernos de Rusística Española («Ученые записки испанской русистики»). – 2009. – № 5.– P. 11–20. (0,71 п.л.)
67. Ломакина, О.В. Историко-этимологический комментарий в авторском фразеологическом словаре [Текст] / О.В. Ломакина // «Wort – Text – Zeit»: Phraseologische Einheiten in traditionellen und neuen wissenschaftlichen Paradigmen: Materialien der gemeinsamen wissenschaftlichen Konferenz des Instituts für slawische der Universität Szczecin und des Lehrstuhls für slawische Sprachwissenschaft des Instituts für fremdsprachliche Philologien der Universität Greifswald. – Greifswald, 2009. – S. 59–60. (0,1 п.л.)

68. Ломакина, О.В. Диахронический эллипсис паремий как способ появления новых фразеологизмов в русском языке (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Слово в языке и речи. Междунар. сб. науч. тр. в честь 70-летия доктора филол. наук профессора О.И. Литвинниковой. – Елец, 2009. – С. 201–205. (0,25 п.л.)
69. Ломакина, О.В. Оказиональное в паремиях (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // *Rossica Olomoucensia XLVIII. Sbornik prispevku z mezinarodni konference XX Olomoucke dny rusistu 02.09.–04.09.2009.* – Olomouc, 2009. – С. 277–281. (0,3 п.л.)
70. Ломакина, О.В. Функционирование паремий в художественном тексте (на материале произведений Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: Сб. науч. тр. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Зсицер Колас, 2010. – С. 232–236. (0,3 п.л.)
71. Ломакина, О.В. Авторская «самодефиниция» как один из этапов семантического анализа паремий (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С.744–745. (0,15 п.л.)
72. Ломакина, О.В. Фразеология Л.Н. Толстого: типология трансформаций паремий [Текст] / О.В. Ломакина // *Slowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnyc h i nowych paradygmatach naukowych: pod redakcja M. Aleksiejenki i H. Waltera.* – Szczecin, 2010. – S.251–259. (0,4 п.л.)
73. Ломакина, О.В. Употребление русских пословиц и поговорок в языке художественной литературы (на материале языка произведений Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: Сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф., г. Могилёв, 30-31 октября 2009 г. / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. – С. 162–166. (0,3 п.л.)
74. Ломакина, О.В. Национальная картина мира в пословицах и поговорках: из опыта наблюдений [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология, познание и культура: Сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 года): в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 339-342.(0,2 п.л.)
75. Ломакина, О.В. Особенности представления паремий в словарях различных типов [Текст] / О.В. Ломакина // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8-10 de septiembre de 2010. Tomo II. – Granada, 2010. – P. 2085–2090. (0,43 п.л.)
76. Ломакина, О.В. Лингвокультурологический и этимологический комментарий в фразеологических и паремиологических словарях: основные тенденции [Текст] / О.В. Ломакина // Язык. Ментальность. Культура. Материалы Междунар. науч. конф. «Живодействующая. связь языка и культуры», посвящённой юбилею д.ф.н. проф. В.Н. Телии. Т. 1. – М. – Тула, 2010. – С. 253–258. (0,27 п.л.)
77. Ломакина, О.В. Текст художественной литературы: анализ современных

- научных парадигм [Текст] / О.В. Ломакина // «Адам – тіл – мәдениет». К 60-летию проф. Г.Н. Смагуловой. – Алматы: Елтаным баспасы, 2010. – С. 197–198. (0,2 п.л.)
78. Ломакина, О.В. Текстология Л.Н. Толстого как источник крылатых единиц [Текст] / О.В. Ломакина // И вновь продолжается бой...: Сб. науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко; чл. редкол. Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – С. 139–142. (0,23 п.л.)
79. Ломакина, О.В. Паремия в словаре и тексте: основные тенденции изучения [Текст] / О.В. Ломакина // Языки и культуры. Сб. науч. тр. в честь Э.Ф. Володарской. – М.: Московский институт иностранных языков, 2010. – С. 327–330. (0,27 п.л.)
80. Ломакина, О.В. Русская литература XIX века как источник появления интертекстом [Текст] / О.В. Ломакина // Русистика и современность 13-я Междунар. науч. конф. – Рига: Балтийская международная академия, 2010. – С. 264–267. (0,46 п.л.)
81. Ломакина, О.В. Эллипсис паремий как переходное явление во фразеологии: из опыта лексикографического описания [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология и языковая динамика. Сб. науч. тр., посвящённых 55-летию профессора Харри Вальтера, почётного профессора Санкт-Петербургского университета: Материалы XXXIX Междунар. филологической конф. (15–19 марта 2010 года). Вып. 22: Фразеология и языковая динамика / Под ред. проф. В.М. Мокиенко и доц. А.В. Савченко – СПб.: Филологический факультет СПбГУ – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2011. – С. 257–258. (0,15 п.л.)
82. Ломакина, О.В. Эксплицирование паремий как способ их актуализации (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [Текст] / О.В. Ломакина // Фразеология: вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. тр. В честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора В.Т. Бондаренко. – Тула, 2011. – С. 66–69. (0,2 п.л.)
83. Ломакина, О.В. Этномаркёры в составе паремий: некоторые лингвистические наблюдения [Текст] / О.В. Ломакина // Актуальные проблемы формирования поликультурной и полиязыковой личности в процессе обучения языкам: материалы конференции. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – С. 152–154. (0,25 п.л.)
84. Ломакина, О.В. Пословица в тексте или текст в пословице? (из опыта анализа паремий) [Текст] / О.В. Ломакина // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык во времени и пространстве» / Под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова Т. 2. – Шанхай: Изд-во Шанхайского ин-та иностр. языков, 2011. – С. 175–181. (0,56 п.л.)
85. Ломакина, О.В. О некоторых проблемах авторской лексикографии в свете создания словаря языка Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // VI Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». Москва, 22-25 сентября 2011 г. Тезисы докладов. – М., 2011. – С. 244–245. (0,11 п.л.)
86. Ломакина, О.В. Пословица как смысловая доминанта художественного текста: анализ паремий в произведениях Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: Сб. науч. тр. по материалам III Междунар. науч. конф., г. Могилёв, 30-31 октября 2011 г. / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2012. – С. 136–141. (0,37 п.л.)
87. Ломакина, О.В. Паремии в речи персонажей художественных произведений

- Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturowym i frazeograficznym*, pod red. M. Hordy, W. Mokijenki, T. Szutkowskiego, H. Waltera. – Szczecin-Greifswald, 2012. – S. 554–560. (0,37 п.л.)
88. Ломакина, О.В. Словарь как источник культурологической информации: из опыта наблюдений [Текст] / О.В. Ломакина // *НОМО COMMUNICANS: человек в пространстве межкультурных коммуникаций*: / Под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Романа Гаваркевича. – Щецин, 2012. – С. 92–95. (0,3 п.л.)
89. Ломакина, О.В. Отражение национальной картины мира в лексикографических источниках [Текст] / О.В. Ломакина // *URBI et ACADEMIA: Граду и научному сообществу*. Научно-практический журнал. – СПб., 2012. – №1 (3). – С. 29–36. (в соавторстве с Г.Т. Безкоровайной) (0,62 п.л., авт. 0,31 п.л.)
90. Ломакина, О.В. О роли паремий в художественном тексте: из опыта анализа языка Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *Славянское культурное пространство*. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. Москва, 4–5 июня 2012 г.: Доклады / Науч. ред. В.А. Степаненко. – М.: Про100 Медиа, 2012. – С. 87–93. (0,4 п.л.)
91. Ломакина, О.В. Паремиологическое пространство текстов Л.Н. Толстого: проблемы лексикографической практики [Текст] / О.В. Ломакина // *Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации*: Материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. – С. 273–278. (0,39 п.л.)
92. Ломакина, О.В. Особенности употребления библейских фразеологических единиц в языке Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *ANUARI DE FILOLOGIA. LLENGÜES I LITERATURES MODERNES (Anu. Filol. Lleng. Lit. Mod.)* – 2012. – № 2. – Pp. 45–54. (0,55 п.л.)
93. Ломакина, О.В. О метаязыке современного словаря пословиц [Текст] / О.В. Ломакина // *Метафизика*. Научное издание. – 2012. – № 4. – С. 65–73. (0,57 п.л.)
94. Ломакина, О.В. О некоторых проблемах паремиографической обработки текстологии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *Авторская лексикография и история слов*: К 50-летию выхода в свет «Словаря А.С. Пушкина» / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 238–243. (0,37 п.л.)
95. Ломакина, О.В. О некоторых особенностях функционирования библейских фразеологизмов в языке Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *Национальное и интернациональное в славянской фразеологии*. XV Междунар. съезд славистов 20-27 августа 2013 г., Минск, Беларусь / Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.). – Greifswald, 2013. – С. 97–100. (0,34 п.л.)
96. Ломакина, О.В. Функционирование фразеологизмов с компонентом *вода* в текстологии Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // *«Вода» в славянской фразеологии и паремиологии*: коллект. монография. В 2-х тт. Научные редакторы: Андраш Золтан, Олег Федосов, Сабольч Янурик. Т. 1. – Будапешт: Тинта, 2013. – С. 370–375. (0,36 п.л.)

97. Ломакина, О.В. Отражение ценностных ориентиров в паремиологии: писательские рецепции (из опыта анализа языковой личности Платона Каратаева) [Текст] / О.В. Ломакина // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 17-19 октября 2013 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. рус. яз. и метод. преп.; Под общ. ред. Н.Н. Фаттаховой. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2013. – С.128–131. (0,25 п.л.)
98. Ломакина, О.В. Параметризация пословиц русского языка: основные лексикографические принципы [Текст] / О.В. Ломакина // Славянские народы и их культуры: традиция и современность: сб. науч. статей / М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 167–171. (0,4 п.л.)
99. Ломакина, О.В. Лексикографическая параметризация фразеологизмов: основные тенденции в связи с общими вопросами лексикографии [Текст] / О.В. Ломакина // Славянская фразеология и паремиология: Коллект. монография. Научные редакторы: Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – Greifswald – Sankt Petersburg, 2014. – С. 63–69. (0, 45 п.л.)
100. Ломакина, О.В. Понятие контекста в современной лингвистике [Текст] / О.В. Ломакина // Юбилейный сб. науч. тр., посвящённый 165-летию преподавания русского языка в Венгрии. – Печ, 2015. Т.1. – С. 94–98. (0,21 п.л.)
101. Ломакина, О.В. Функционирование паремий в языке Л.Н. Толстого [Текст] / О.В. Ломакина // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 120–136. (1,1 п.л.)
102. Ломакина, О.В. Варьирование устойчивых фраз: о некоторых тенденциях функционирования в русском и французском языках и трудностях фразеологирования [Текст] / О.В. Ломакина // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула: Издательско-полиграфическое объединение С-принт, 2015. – С. 470–475. (в соавторстве с А.С. Макаровой) (0,4 п.л., авт. 0,2 п.л.)
103. Ломакина, О.В. Варьирование устойчивых фраз: от теории фразеологии к практике употребления [Текст] / О.В. Ломакина // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. – В 15 т. – Т. 7. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 108–113. (в соавторстве с А.С. Макаровой) (0, 38 п.л., авт. 0, 19 п.л.)
104. Ломакина, О.В. Современная лексикография: традиции и тенденции развития [Текст] / О.В. Ломакина // Сучасний вимір православної культури: збірник матеріалів IV Міжнародних наукових Кирило-Мефодіївських читань. – Вип. 4. – Кривий Ріг, 2015. – С.39-47. (0,4 п.л.)
105. Ломакина, О.В. Функциональный потенциал крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: монофункциональность и полифункциональность [Текст] / О.В. Ломакина // На крыльях слова: материалы междунар. заоч. науч. конф., посвящённой юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / Научно-

- исслед. словар. лаб., каф. РЯОЯиМК; гл.ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова; чл. редколл.: С.А. Анохина, И.С. Клинова, Е.П. Соколова, Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. – С. 55–60. (0,25 п.л.)
106. Ломакина, О.В. Роль фразеологических актуализаторов в формировании семантики фразеологизмов и пословиц [Текст] / О.В. Ломакина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения): Труды и материалы. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань, 2015. – С. 196–198. (0,25 п.л.)
107. Ломакина, О.В. Проблематика исследований функционирования фразеоресурсов языка в контексте [Текст] / О.В. Ломакина // Язык в слове, фразеологизме, тексте: коллект. монография. – Орел: ОГУ, 2015. – С. 148–154. (0,6 п.л.)

Ломакина Ольга Валентиновна

**Фразеология в языке Л.Н. Толстого:
лингвистический комментарий и лексикографическое описание**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филол. наук

Подписано в печать 12.02.2016 г.
Формат 60х94/16. Бумага офсетная.
Тираж 120 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11